

Василий Кристонов
Мила Бачурова

Гром гремит дважды
ДРАКОН

Гром гремит дважды

Мила Бачурова

Гром гремит дважды. Дракон

«1С-Паблишинг»

2022

Бачурова М.

Гром гремит дважды. Дракон / М. Бачурова — «1С-Паблишинг», 2022 — (Гром гремит дважды)

Главный герой приходит в себя в школе Цзюань. Сюда попадают все, кто задолжал клану Чжоу, и их участь – тяжёлые работы и полное повиновение. Впрочем, можно стать борцом, если бросить вызов другому борцу и победить его, ну... или можно погибнуть в этой схватке. Лей отчётливо помнит, что не привык сдаваться: он всегда стремился быть сильным и умел постоять за себя. Но вот кто он такой? Постепенно герой вспоминает, что неслучайно оказался в этом мире и что у него есть счёт, который кое-кому надлежит предъявить. Для этого придётся проделать нелёгкий путь вверх, но герой к нему готов.

Содержание

Глава 1. Легенды о Робин Гуде	5
Глава 2. На паузе	9
Глава 3. Жертва нападения	13
Глава 4. Болин	17
Глава 5. Экстренный выпуск	21
Глава 6. Восстание зомби	24
Глава 7. Проповедник	29
Глава 8. Возмездие	33
Глава 9. Конвоир	37
Глава 10. Военное положение	41
Глава 11. Тёплая встреча	46
Глава 12. Единый организм	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Василий Криптонов

Гром гремит дважды. Книга 5 – Дракон

Глава 1. Легенды о Робин Гуде

Я сидел за столиком у окна, в светлом и просторном кафе, и макал кусочек булки в кружку. Следил, как крошки расплываются в разные стороны, как чай, изначально бывший почти прозрачным, делается мутным. Со стороны, должно быть, я выглядел, как подросток, загрузившийся над своими подростковыми делами. Может, даже выглядел моложе своих лет. Так себя ведут дети в три-четыре года. Но мне было плевать, как я выгляжу со стороны.

Мне в последнее время вообще стало плевать на многое.

В тот день, когда печати с дома сняли, я съехал от Джиана, у которого условно жил несколько дней. Вернулся домой и несколько минут тупо стоял, глядя на пятна крови на полу. Столько лет в полиции, и ни разу даже не задумался, куда девается всё после того, как перестаёт быть нужным следствию. Оказалось – никуда.

«Деваются» обычно люди. Не в силах пережить стресс, они продают дома и переезжают. И их можно понять. Даже если позвонить в клининговую фирму, в спектр услуг которой входит уборка мест преступлений, смыть пятна из памяти не так просто. Это страшно – каждый день смотреть на то место, где твою жизнь разрезали на «до» и «после». Смотреть и вздрагивать. Поэтому люди стараются съехать.

Так мог поступить и я, благо средства позволяли. Но, в отличие от других людей, я не хотел забывать. Поэтому пошёл в ванную, отыскал ведро и швабру, набрал горячей воды...

Когда госпожа Кингжао, моя названная мать, вернулась домой, я не сказал ей, где всё произошло, хотя она просила. Она – нормальный человек, ей это не нужно. Хотя, кажется, она всё равно догадалась. Если мы с ней где и пересекались, так это в кухне. И трудно было не заметить, как мой взгляд останавливается там, где на полу растекалась лужа. Или на дверце холодильника, внизу – там, откуда я стёр кровавый отпечаток ладони.

Раньше дом был живым. Сейчас он больше напоминал мрачный склеп, даже когда извечная облачная дымка над посёлком расходилась, и в окна проникал солнечный свет.

Может, я всё-таки съехал бы, хотя бы ради Кингжао, которой явно было жутко находиться в этом проклятом доме. Но кое-что меня останавливало. Одно крохотное обстоятельство, на которое я обратил внимание в первый же вечер, когда заночевал у Джиана.

Тогда я всю ночь лежал без сна на диване и смотрел в потолок. В окно бил свет уличного фонаря, наполняя комнату мёртвым холодным светом. Джиан предложил задёрнуть шторы, я отказался. Так и лежал, изучая узор трещин на побелке. И думал о том, что если процедура досмотра места преступления не слишком отличается от привычной мне по прошлой жизни, другому миру, иной стране, то дом наверняка перерыли сверху донизу. Впоследствии я получил тому подтверждение, когда вернулся – по дому будто ураган прошёл, всё было перевёрнуто вверх дном.

А значит, люди, производившие обыск, не могли не обнаружить сумку. Сумку с таблетками господина Кианга, или же Фанга, если угодно. Я давал их старику Гуолиангу, чтобы его глазами увидеть место обитания Кианга. Потом меня арестовали, потом опять арестовали. И всё так завертелось, что я не успел избавиться от сумки.

Я был уверен, что в дом больше не вернусь. Что вот-вот за мной придут. «Лей Ченг, вы арестованы за хранение наркотиков». Но ничего такого не случилось.

Вернувшись в дом, я убедился, что сумки нет – по крайней мере, там, где я её оставил. И всё-таки никто не спешил надевать на меня браслеты, подавляющие силу духа.

Были тут, конечно, юридические трудности. Препарат, который производил Кианг, не являлся химической отравой, он работал иначе. Кроме того, на рынок пришёл относительно недавно. Клань распространяли его по своим каналам, а в Шужуань таблетки вообще стали поступать около полугода назад. До тех пор, пока, после уймы бюрократических проволочек, новый наркотик официально не назовут наркотиком, им, теоретически, можно барыжить хоть в открытую. И даже если наркотиком его признают завтра, а сумку у меня изъяли сегодня, мне не составит труда отвертеться. Любой мало-мальски подкованный законник с лёгкостью создаст нужный прецедент, который войдёт в анналы истории юриспруденции.

Другой вопрос, что рядовые сотрудники полиции о таком вряд ли задумываются, и если видят сумку, забитую явно не аспирином, сначала швырнут за решётку, а потом уже будут разбираться. Но меня-то никто не швырнул. Хотя сумка пропала.

Я ждал.

И дождался.

Письмо пришло вчера. Бросили в почтовый ящик. Ни марки, ни штемпеля. Конверт даже не был заклеен. Внутри – сложенный лист бумаги с распечатанным текстом. Скупым и немногословным.

«Что-то не так?» – спросила Кингжао, принеся почту.

«Всё нормально, мама», – сказал я, не глядя на неё, и затолкал письмо в карман джинсов.

Это кафе я обнаружил пару месяцев назад, недалеко от больницы, где лежала Ниу. Хозяйка явно пытались делать ставку на европейскую экзотику. Здесь даже подавали кофе, за что изначально и зацепился мой взгляд. Я взял эспрессо, сделал один глоток и чуть не умер. Ощущение было такое, словно из организма разом вытянуло всю влагу, а вместо неё в желудок обрушился кирпич. Горький и отвратный.

Я кое-как допил крохотную чашечку – и то лишь потому, что перестроечные годы приучили доедать и допивать всё, за что уплачены деньги. Это были своего рода поминки по прошлому. Леонид Громов умер, мир его праху. А Лей Ченг скорее согласился бы грызть асфальт, чем выпить кофе.

В кафе я заходил с тех пор практически каждый день, но теперь уже брал чай. Всё-таки было приятно смотреть, как люди едят ложками и вилками, пьют кофе – хотя наверняка мысленно морщатся.

– Развлекаешься?

Я поднял взгляд и внимательно осмотрел подошедшего к моему столику человека. Он был одет по-граждански: в лёгкое пальто, обычные брюки и рубашку. Однако держал себя так, что рядом с ним, наверное, даже собаки лаять переставали. У меня буквально ноздри затрепетали – почувствовал знакомый «запах». Не наркоты, нет. «Запах» профессионала. Этот человек явно служил в армии, скорее всего, даже поучаствовал в боевых действиях. А потом, придя на службу в полицию, сделал быструю и убедительную карьеру, отнюдь не подлизываясь к начальству.

– Думаю, – сказал я и вновь сконцентрировал взгляд на кружке с чаем.

– О чём же? – Мужчина стоял неподвижно.

– О том, что жизнь – как чашка чая. Ты можешь кусать булку, запивать её чаем, и всё будет красиво, не придерёшься. А можешь сунуть булку в кружку и получить бурду. Люди, которые приходят сюда перекусить, не самые бедные, им нравится платить за приличное общество, за чистое помещение. Они смотрят на меня и думают: «Святые духи, кто только пустил сюда этого проходимца, который даже за столом вести себя не умеет?!».

Я вытащил остатки булки, положил в рот, прожевал и запил чаем. Проглотив всё это, закончил мысль:

– Но итог один – булка и чай рано или поздно оказываются в унитазе, а кружку вымоют и наполнят для кого-то другого. Есть над чем подумать.

Должно быть, со стороны казалось, что мы обменялись паролем и отзывом. Потому что после этих моих слов мужчина отодвинул стул и сел. К нему тут же подошла девушка в переднике, держа в руках меню.

- Кофе, – не глядя бросил ей мужчина.
- Здрав... э-э... Эспresso, американо, кап...
- Чёрный, без сахара.

Когда она убежала, я улыбнулся:

- Стажировка в Европе?
- Соединённые Штаты, четыре года.
- И как там?
- Где?
- В Штатах.

Он подумал и вдруг улыбнулся краем рта.

- Как здесь.
- В Шужуане?
- В этом кафе. Не самые бедные люди платят за приличное общество и чистое помещение, кривясь при виде проходимцев, не умеющих вести себя за столом... Ты догадываешься, кто я, Лей Ченг?

Я с недовольным видом огляделся, но соседние столики по-прежнему пустовали.

– Вы меня весьма обяжете, если прекратите называть полным именем, а лучше вообще обойдётесь без имён.

- Для меня ты – что-то вроде живой легенды.
- Да, я как раз об этом. Не люблю раздавать автографы в это время суток.
- Я тебя понял. Ты ведь слышал легенды о Робин Гуде?
- Угу, – вздохнул я.
- Наверняка людская молва преувеличивает. Если парень и раздавал что-то беднякам, то себе оставлял в сто раз больше.
- Скорее всего, вообще не раздавал. Просто людям нужна была такая сказка, и они её придумали.

– Да. Именно так я рассуждал, когда забрал сумку из твоего дома.

Я расправил плечи. Вот мы и переходим к сути дела. Тут как раз подскочила девушка с подносом и поставила перед моим собеседником белоснежную кружку.

- Господин желает ещё чего-нибудь? – Этот вопрос адресовался мне.
- Нет, спасибо, – улыбнулся я.

Забрав мою кружку вместе с купюрой, девушка удалилась.

- Как вас зовут? – спросил я.
- Можешь называть меня Пенгфей. – Мужчина сделал глоток кофе. Я с интересом проследил за этим действием. Неужели ему правда нравится?
- Я не Робин Гуд, господин Пенгфей.

– Не сомневаюсь в этом. Тут я попросту уверен. Но вот в некоторых других областях моей уверенности не хватает. Перейдём к делу. Сумка, которую я забрал у тебя, может создать тебе проблем. Не особо критичных, я знаю, но головной боли будет достаточно. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов неюридические факторы. Если ты не любишь раздавать автографы в это время суток, то тебе, возможно, придётся сменить часовой пояс.

– И чего вы от меня хотите? – спросил я. Сам же подумал: «Если он сейчас скажет, что я должен выполнить для него какое-то задание – я его убью. Схвачу эту кружку, выплесну кофе ему на ширинку, а когда он вскочит и схватится за промежность, вколочу кружку ему в лицо с одного удара. Три секунды – и я выйду отсюда. Возможно, мне даже станет немного веселее, это было бы весьма кстати. Осточертело жить в состоянии какой-то серой давящей тоски».

– Хочу знать, кто ты и чего добиваешься, – отчеканил Пенгфей. – А ещё – хочу знать, кто *он*.

– Он? – Я приподнял бровь.

Пенгфей расстегнул пальто, сунул руку внутрь. Увидев, как я напрягся, усмехнулся:

– Это было бы нелепо с моей стороны.

– Нелепая смерть всё равно остаётся смертью, – возразил я.

– Справедливо. – Пенгфей достал сложенную вчетверо газетную страницу и положил передо мной, постучал пальцем по фотографии. – Он был моим начальником два года.

Я мельком взглянул на газету. Она была старой, трёхмесячной давности, а статья – знакомой. Именно её я заметил в ювелирном магазине в тот день, когда... Когда всё случилось. В ней говорилось о том, что начальник местного наркоконтроля исчез в неизвестном направлении. А с фотографии смотрел господин Фанг. Может, фото было сделано ещё в те времена, когда он не был Киангом. Когда дух Кузнецова ещё не начал игриво меняться с ним телами.

– А теперь, надо понимать, начальник – вы? – спросил я, глядя в окно с деланым безразличием.

– Это не относится к нашему разговору. Я знаю, что Фанг встречался с тобой как минимум дважды. И знаю, что он следил за тобой с тех самых пор, как ты оказался в Шужуане.

– А как он объяснял свои «каникулы»? – спросил я.

– Что? – Во взгляде Пенгфея мелькнуло удивление.

– Фанг – очень занятой человек. И ему наверняка приходилось часто удаляться, бросая департамент на кого-то ещё. Он ведь не самая большая шишка, и такое поведение наверняка кого-то настораживало. Или вся ваша контора – один большой мыльный пузырь, надутый для отвода глаз, и всем было плевать, что делает начальник, лишь бы не устраивал пьяным стрельбу в супермаркетах?

Пенгфей долго смотрел на меня и молчал. Потом сказал:

– Он никогда не исчезал надолго. Но, возможно, я единственный, кто видел, как он *умирал*.

Настал мой черёд изумлённо моргать.

– Простите... Что?

Глава 2. На паузе

Вернув Ниу с того света, я как будто пожертвовал частью своей души. Именно души, а не духа – теперь я хорошо понимал разницу. И, как я уже заметил, мне действительно сделалось на многое плевать.

Страшно было признаться самому себе, но мне сделалось плевать даже на Кианга. Гораздо чаще перед мысленным взором возникало зарёванное лицо Наташи Смирновой, покрытое кровавыми разводами. Не Кианг нанёс Ниу все эти удары ножом. Не он оставил её умирать. Кианг, чёрт бы его побрал, жизнь свою положил на то, чтобы таких, как Наташа, не было. Вернее, чтобы они сидели на коротких поводках, подавали лапу и жрали с руки таблетки два раза в день. А я жизнь положил на то, чтобы перечеркнуть его старания.

Что в итоге? Ниу в коме уже три месяца, и шансов на то, что она придёт в себя, нет – что бы там ни трещал тот врач. Конечно, он будет рассказывать про хорошие шансы, он ведь знает, сколько я плачу ежедневно за поддержание жизни в её теле. А я буду платить, потому что это – единственное, что я могу сделать ради неё, единственный способ хоть как-то загладить свою вину. Да, свою...

Я не убил Наташу, я не свалил всё на Кианга. Я не позволил себе превратиться в чудовище, которое однажды загонят в угол и пристрелят охотники. Возможно, впервые я просто жил. Плыл по течению, глядя по сторонам, и ждал.

Нет, я не говорил себе, что прощаю Кианга. Не говорил себе, что сделался его единомышленником. Я вообще ничего себе не говорил, ни о чём не думал. Ждал. Ждал, пока получу письмо. Ждал, пока придёт Пенгфей. Ребята из клана Ченг вели себя тихо. Джиан объяснил ситуацию всем, и больше я не слышал ни о каких недовольствах. Да и чем они могли быть недовольны? От зависимости я их избавил, у них есть крыша над головой, работа. А то, что их перестали гонять на опасные для жизни задания, вряд ли можно превратить в претензию.

Жизнь будто встала на паузу. Она ждала, пока я соображу, чего хочу от неё. А может, не ждала – мне было плевать. До этой самой секунды.

– Что значит, «умирал»? – переспросил я.

– Откровенность за откровенность? – предложил Пенгфей.

– Разумеется. Мне скрывать особо нечего. Всё, за что меня можно привлечь, вы и без моих признаний отлично знаете.

– Уж будь уверен. – Пенгфей отхлебнул кофе. – Хорошо, я начну. О том, что Фанг избран духом, я узнал совершенно случайно. Мы проводили операцию, предполагалось, что будет жарковато, и Фанг, несмотря на предостережения, отправился лично. Надел бронежилет, как полагается. Мне всё казалось, что он хочет остаться один, вырваться вперёд. Такое бывает – люди ищут смерти. В нашей профессии явление нередкое. Насмотришься всякого... А потом сидишь вечером перед телевизором, смотришь в горлышко бутылки в руке, и вдруг будто пелена с глаз падает – ты понимаешь, что смотришь в дуло пистолета.

– Знаю, – вздохнул я. – К психологу с таким не ходят – иначе пнут со службы, и в итоге всё равно нажмёшь на спусковой крючок. И хорошо, если в дуло при этом будешь смотреть ты.

Пенгфей кивнул:

– Некоторые срываются на других – подчинённых, подозреваемых... Не знаю, что хуже. Мне казалось, Фанг идёт умирать, я же шёл, чтобы прикрыть его в случае чего. Только так вышло...

– Что это он прикрыл тебя, да?

Пенгфей поморщился. Ему явно было неприятно вспоминать тот случай.

– Если бы не он – меня бы просто изрешетили. Жилеты в тот день никому не помогли, эти сволочи били бронебойными. Одного парня у меня на глазах буквально в клочья разорвало. А следующим мог быть я. Но Фанг встал между мной и стрелком.

– Зеркало Зла. – Я будто был там и видел. – Когда он отошёл, ты увидел то, что осталось от стрелка, так?

Пенгфей наклонил голову:

– Фанг велел мне убираться. Но я... Многое ещё успел увидеть. Прежде чем он ушёл вглубь здания. Потом я читал его отчёт, там всё было ровно, не придерёшься. Только вот любой, кто хоть раз оказывался в таком аду, знал, что это нереально. Пройти такое без единой царапины и выйти, насвистывая. «Везение», «профессионализм» – чушь собачья, это жизнь, а не грёбаное кино. Я верю глазам и слушаю разум. Глаза и разум сказали мне, что мой начальник – избранный духом. Разумеется, прозрением я ни с кем не делился...

Угу, как и я. Странное чувство – я будто напротив себя самого сидел, даже в глазах защищало.

– Но в тот день я решил с ним поговорить. Вечер... Даже ночь. В здании уже практически никого не было, только дежурные. И я зашёл к Фангу в кабинет. Постучал – он не ответил. Вошёл. Он сидел за столом с открытыми глазами, но меня не видел. Я окликнул его несколько раз, подошёл... Знаешь, обычный человек в такой ситуации потрогал бы за плечо, толкнул. Но я-то понимаю, насколько важно, чтобы, в случае чего, всё осталось как было.

– Сознание как будто раздваивается, – подхватил я. – Держу пари, ты стоял и думал о том, что твои отпечатки остались на дверной ручке. Представлял строчки объяснительной...

– Именно. – Кажется, Пенгфей уже забыл о том, что говорит с пацаном, возглавляющим преступный клан. – Но я не видел ни оружия, ни крови.

– Думал про яд, – вздохнул я.

– Естественно. Я приблизился, как только мог, чтобы ничего не потревожить. Фанг не дышал.

– Уверен? – Переход со старшим на «ты» дался легко, потому что в этот момент Пенгфей не был для меня старшим. Мы с ним были ровесниками, может, он даже младше на два-три года. – Зеркальце подносил?

– Перо.

– Перо?

– Не спрашивай, почему у меня с собой было перо.

– Это ведь был день Большой Операции. Покажи мне несусеверного копа – и я покажу тебе говорящего единорога.

– Да уж... В общем, он не дышал. Первый признак смерти. Я повернулся к выходу, хотел позвать дежурных, вызвать скорую. Инфаркт, инсульт... Хотя лицо у него было спокойное, даже умиротворённое. Но не успел я выйти, как услышал, что он зовёт меня по имени. Я обернулся, ушам не веря... Но глазам пришлось поверить. Фанг сидел за столом, как ни в чём не бывало. Уставший, вымотавшийся, раздражённый. Спросил, какого чёрта я забыл у него в кабинете.

– А потом это повторялось?

– Да. Раз пять за всё время. Я притворился дурачком. Фанг был тяжёлым человеком, знаешь... Не то чтобы с ним было трудно общаться, но ты всегда будто видел черту, за которой тебя превратят в фарш. И я старался эту черту не переступать. В итоге никто ничего так и не узнал. Я подумал – какая разница? Нет закона, запрещающего избранным духом рождаться в Шужуане и служить в полиции. Я даже восхищался Фангом. Ведь он мог дать о себе знать любому клану и взлететь так высоко, как только можно. Для них избранные – товар штучный и бесценный.

Тут у меня в голове что-то щёлкнуло, и я тихонько рассмеялся:

– А. Кажется, понял. Ты и мной восхищаешься? Я ведь тоже мог продаться любому клану, а сам трепыхаюсь тут, веду какой-то бессмысленный крестовый поход.

– Мне казалось, что и Фанг интересуется тобой именно по этой причине. – Пенгфей аккуратно обошёл вопрос со своим личным отношением к моей персоне. – Да, я не привлекал его внимания, однако мне было интересно... И я сумел узнать, о чём вы говорили.

– В допросной, по ту сторону стекла? – предположил я.

– Именно. Микрофон Фанг отключил. Однако ещё в Штатах я прошёл курс физиогномики. В том числе нас учили читать по губам. Не такое уж сверхъестественное умение, как можно подумать, особенно с учётом разницы между языковыми системами. Английский язык проще, а в нашем – слишком многое даётся на откуп интонации. Но, тем не менее, суть я уловил. И меня это, мягко скажем, поразило. Потому что Фанг врал. Я был уверен, что он хочет с тобой сотрудничать, так или иначе. И он говорил об этом. Но не было и не могло быть никакого пути для срачивания клана Ченг с властью. Так же как и не было никакого негласного запрета сажать распространителей. Чёрт, да мы из кожи вон лезли, чтобы вычистить провинцию! Но...

– Но Фанг первым заходил во всякие интересные места, – сказал я. – Беседовал со многими интересными людьми. И лично контролировал области вашей деятельности. Он создал свою сеть. Невидимую, неосязаемую. Этаким параллельный мир, который вот он, только руку протяни – если знаешь, куда и как тянуть. Ведь поэтому ты и следил за ним, Пенгфей? То, что Фанг избранный, было лишь первым звончком, после которого ты начал присматриваться к нему.

Многое изменилось за этим столиком в течение последних минут. Теперь Пенгфей был как будто подростком, удивлённо хлопающим глазами, а я чувствовал себя – собой. Прежним.

– Я знал, что эта встреча будет полезной, но не думал, что настолько, – пробормотал Пенгфей и подался вперёд. – Так кто он? И кто ты? Что произошло на самом деле? И как эта русская наркоманка здесь замешана?

Я задумался, барабанил по столу пальцами. Какие-то останки бывшего азарта всколыхнулись. Я не знал, надолго ли меня хватит. Сумею ли заставить себя броситься в ещё одну схватку с Киангом. Но мозг против воли уже анализировал новую информацию, выдвигал версии.

«Умирал»... Что это значит? Может, в эти моменты Кианг и Кузнецов менялись местами? Возможно. Но ведь Кианг никогда надолго не оставлял свой пост. А ему нужно было создать некую базу. Ту, где жила Дэйю. Где он выдрессировал себе отморожков, способных на равных драться с избранным духом. Где, в конце концов, производилось сырьё для таблеток.

Скорее всего, «умирал» значило погружение в некий глубочайший транс, неотличимый от смерти. И в этом трансе Кианг управлял своей так называемой тульпой. Чем-то вроде призрака, который выглядел совсем не похоже на настоящего Кианга. Который и заманил меня в морозильную камеру, выбираться откуда пришлось с использованием техники с говорящим названием «Последнее Дыхание».

О, я хотел ещё о многом спросить Пенгфея, и многое мог бы ему рассказать. Эта беседа растянулась бы ещё не на одну чашку чёрного кофе без сахара, а может, её вообще имело бы смысл перенести в более уединённое место. Но тут у меня в кармане завибрировал телефон. Я достал его, прочитал наминалку-уведомление и тут же поднялся.

– Прости, не могу больше говорить. Мне пора. Надеюсь, ещё встретимся. Думаю, вы знаете мой телефон. Ну, или воспользуйтесь почтовым ящиком.

– Работа? – спросил Пенгфей, тоже поднимаясь. – Мне казалось, ты остановил свою бурную деятельность.

– Нет, не работа, – покачал я головой. – Жизнь. Пытаюсь приучить себя время от времени быть живым человеком.

– И как? – В голосе Пенгфея звучал скепсис.

– Как в Штатах, – грустно улыбнулся я. – Язык чужой, страна чужая, еда невкусная. Но опыт, безусловно, интересный.

Пенгфей протянул мне руку. Я пожал её и удержал, сильно стиснув. Негромко попросил:

– Не повторяй моих ошибок. Если Фанг вдруг всплывёт и захочет с тобой встретиться – скажи надёжному человеку, куда собрался. И зашей в воротник ампулу с ядом. Пригодится.

Я направился к выходу. У самой двери меня настиг окрик:

– Эй!

Я обернулся.

– А ты – надёжный человек? – спросил Пенгфей. Он всё ещё стоял возле столика.

Я пожал плечами:

– Пока даже не уверен, человек ли я.

И вышел на улицу.

Холодало. Лето сдавало позиции осени. Дул пронизывающий ветер. Я, морщась, застегнул куртку, пошёл в сторону больницы. Можно утихомирить ветер Великой Стеной, но мне не хотелось разбрасываться своей избранностью. Мне, пожалуй, вообще уже хотелось от неё избавиться.

– Ну надо же, сам Лей Ченг!

Голос раздался сзади. И по интонациям я моментально понял, что оборачиваться поздно. Поэтому резко присел, как будто заметил, что у меня развязался шнурок.

Над головой свистнул воздух, рассеянный каким-то твёрдым предметом, и огромное окно кафе разлетелось с грохотом на тысячи осколков.

Глава 3. Жертва нападения

За минувшие пару месяцев я, кажется, не сделал ни одного резкого движения. Из моей жизни внезапно исчезли все драки и перестрелки, без которых раньше я вообще не представлял себе бытия. Однако рефлексy остались, реакции были такими же молниеносными, да и слабее я не стал.

Мозг мигом переключился в боевой режим, что не мешало ему анализировать ситуацию в фоне.

На меня напали возле кафе, практически в центре города, средь бела дня. Не обстреляли – попытались вырубить палкой или чем-то в этом духе. Так могут действовать только полные идиоты либо абсолютно отчаявшиеся люди.

Ну или третий вариант – те, кому просто необходимо меня от чего-то отвлечь, задержать.

Все эти мысли пролетели через голову за мгновение, которое мне потребовалось, чтобы развернуться и выбросить вперёд сжатую в кулак руку. Дождаться, пока удар достигнет цели, я не стал.

Длинная Рука

Бледно-жёлтого луча, вырвавшегося из моего кулака, даже я толком не видел. А вот длинноволосый парень с бейсбольной битой разглядел, совершенно точно. Он ещё не вернул биту в изначальное положение, расколотив окно. Стёкла ещё не успели до конца осыпаться. Парня словно дёрнуло вниз. Он упал на колени, прогнулся назад – гимнаст, да и только! – и пропустил луч над собой.

Шёпотом выругавшись, я отменил технику, но поздно. Лобовое стекло едущей по дороге машины тоже будто взорвалось. Водитель в панике выкрутил руль, автомобиль вынесло на встречу...

Я вовремя отвёл взгляд от мясорубки, которую устроил на дороге. Стоящий на коленях парень выпустил биту, вместо неё из рукава ему в ладонь скользнул нож с волнистым лезвием. Оскалившись, парень попытался нанести удар. Планировал выпустить мне кишки на кроссовки.

У меня было, по большому счёту, два варианта. Первый – ударить его по руке. Выбить нож либо просто выиграть время. Однако я оценил скорость, с которой движется этот ублюдок, оценил его запредельную ловкость. Такое я видел, пожалуй, только однажды – на баркасе с грузом героина из Японии. Тот парень, достать которого я так и не смог, тоже не уступал хорошо подготовленному избранному, хотя таковым не являлся.

Поэтому я решил не искушать судьбу и выбрать второй вариант, который, помимо ухода с линии атаки, давал мне возможность выдохнуть и оценить обстановку.

Паук

Невидимая нить подняла меня в воздух. Я завис метрах в трёх над асфальтом, быстро и бесстрастно сканируя обстановку. Нападавших было двое. Похожие, как братья, только один с длинными волосами, а второй – коротко, под машинку пострижен. Этот, второй, провожая меня взглядом, надевал на руку кастет.

Движение на дороге остановилось. Два автомобиля, столкнувшись, мигали аварийными огнями. Третий – тот, в который я случайно угодил Длинной Рукой, не мигал...

Крики, визг. Вдали – сирена. Полный хаос, который я мысленно тут же отсёк. Главное – эти двое идиотов. И ответ на вопрос: «почему?». Почему я? Почему сейчас? Почему здесь? Друзья или родственники одного из ликвидированных мною барыг? По умственному развитию вполне соответствуют. Но эта скорость, эта реакция... И они каким-то образом видят мои техники. Или угадывают их.

Отменив Паука, падая на асфальт, я внезапно вспомнил, что сталкивался с подобным и ещё раньше. Гораздо раньше. На узкой доске, протянутой между двумя небоскрёбами. Те парни, которых выставили против нас, против Цюаня, получили особые таблетки. Они сделались сильнее и быстрее, но всё-таки не настолько. В отличие от Донга, который серьёзно заставил меня понервничать. Он тоже словно бы видел мои техники или же предугадывал их. Что за особую таблетку скормил ему Нианзу? И каких таблеток нажрались эти двое?

С тех пор, как Наташу швырнули в «воронок», с тех пор как мне стало плевать на всё, что раньше составляло суть моей жизни, я будто отключил своё знаменитое чутьё на наркотики. Однако сейчас, после разговора с Пенгфеем, после этого внезапного нападения, вернулись не только подавленные боевые навыки. «Запах» дури ударил в голову, дракон, присутствия которого я не ощущал так давно, что забыл о нём, расправил крылья и закричал в темноте.

Я обрушился вниз, как герой из фильма, на одно колено. Колено едва коснулось асфальта, вся амортизация была хорошо рассчитана. Я словно отпружинил – падение превратилось в прыжок. Удар ногой с разворота достался парню с кастетом. Защититься он не успел. Брызги крови полетели в сторону, голова дёрнулась.

Руку с ножом я вовремя заметил и перехватил. Попытался заломить, но помешало чувство пустоты, возникшее в слепой зоне. Я шарахнулся назад, дёрнув парня с ножом за руку. С обычными соперниками этот трюк удался бы, несмотря на всю нелепость – они ударили бы друг друга и перестали быть чьими-либо соперниками. Однако эти двое, разогнанные на Кианговских таблетках, успели среагировать.

Завязалась стремительная драка. В стычке один на один я бы, пожалуй, вырубил любого из них. Они всё же уступали тому мужику на баркасе, уступали даже Донгу. Но их было двое, и, что хуже всего, они будто обладали одним мозгом на двоих. Такой слаженности даже у звёзд мирового балета не сыщешь.

Один бил так, чтобы заставить меня уходить под удар второго. Я играл в глухой обороне. Применять техники не хотелось, от этого могли снова пострадать невинные люди, а мне осто-чертело быть причиной людских страданий. Земля круглая, и всё, что ты швыряешь в одну сторону, рано или поздно прилетит к тебе с другой. Наглядное тому доказательство – Ниу, лежащая в палате. Девчонка, единственная вина которой была в том, что она в меня влюбилась.

Длинная Рука могла убить или покалечить, разрушить что-нибудь. Печать Смерти – тем более. Любого ротозея со смартфоном, надеющегося стать новой звездой на час в ютубе, просто превратит в мясной салат. На радость другому ротозею со смартфоном.

Были, однако, у меня в арсенале и не столь разрушительные техники.

Великая Стена

Рука с кастетом замерла в миллиметре от невидимой преграды и опустилась. Парни переглянулись и коротко хохотнули – одновременно. Типа, «он что, нас совсем за дураков принимает?».

Удерживая технику, я присел и нащупал биту. Лица парней помрачнели. Ага, ага. Бита – это не техника. Если ею грамотно работать, дистанцию сократить у вас не получится. А я буду работать очень грамотно. У меня большой опыт. Одно время я повсюду носил с собой палку учителя Вейжа – первого близкого человека в этом мире, которого я потерял. К сожалению, не последнего... И если разобраться, то и Вейж тоже погиб из-за меня. Все хорошие люди умирают из-за меня. Что ж уроды-то такие живучие?!

– Чувак, расслабься, – сказал тот, чью биту я поднял. – Мы просто хотим тебя убить, не нервничай так.

Второй захихикал.

Ладно, я потом подумаю над поведением этих двух обдолбышей. А пока...

Я отменил технику защиты, и бита с воем рассекла воздух, заставив парней пригнуться. Теперь им сделалось не до смеха и не до разговоров. Я вертел битой, заставляя их танцевать и отступать. Парни явно двигались на пределе возможностей, и всё же – я не мог их зацепить, как ни старался.

Призвать меч? Это удвоит мои шансы, но тогда я наверняка убью обоих. А мне хотелось бы сохранить жизнь хоть одному, чтобы побеседовать с ним. Общие темы непременно найдутся.

– Полиция! Ни с места! Брось палку, руки за голову!

Вот только этого мне не хватало. Да если я сейчас брошу палку и подниму руки – меня убьют. А если не брошу – пристрелят. Можно, конечно, врубить Зеркало Зла. И прикончить ещё одного ни в чём не повинного полицейского. У которого просто нет особых инструкций по работе с избранными духами. Да и индикатор наверняка не светится, он понятия не имеет, кто я такой.

Ссориться с полицией не хотелось совершенно. Ни в тюрьму, ни в бега я не собирался. Поэтому решил рискнуть.

Последним взмахом я заставил обоих противников отпрянуть и, в конечной точке амплитуды, выпустил биту. Руки быстро переместил за голову. Пусть полицейский увидит мою полнейшую лояльность, может, отразит в отчёте.

Парень с кастетом тут же бросился на меня.

Зеркало Зла

– Ни с места! Руки! – надрывался полицейский.

Второй парень повернулся к нему и взмахнул рукой. Нож вылетел из ладони.

Твою мать...

В голову мне летел кастет, грозя превратить её в кашу из крови и мозгов с кусочками черепа. В доблестного стража порядка летел нож. Я готов был жизнь свою поставить на то, что летит он в горло или в глаз. Так, чтобы наверняка. В таком состоянии, как эти двое, они не могут ни промазать, ни ошибиться.

Две техники одновременно применять получалось редко и не все. Боевые работали с Пауком, например. А вот с защитными – ни одна не хотела.

Я развернулся и присел, отменил «Зеркало».

Лассо

Кулак с кастетом пролетел у меня над головой. Я с силой ткнул локтем влево, надеясь хотя бы на долю секунды ошеломить этого выродка. Бледно-жёлтый луч, напоминающий немного Длинную Руку, летел вслед за ножом...

Я видел широко раскрытые глаза полицейского, который уже чувствовал, что попал в переплёт, но пока ещё не понимал, в какой именно, и что нужно делать, чтобы из него выпутаться. Ствол смотрел не на меня, и на том спасибо.

Нож не долетел до горла полицейского каких-то десять сантиметров. Лассо захлестнулось вокруг него. Я дёрнул рукой, и нож полетел обратно, увлекаемый невидимой для копа петлёй. Пусть и это отразит в отчёте, если ему продолжит дьявольски везти и он таки доживёт до написания.

Локоть врезался в бок парня с кастетом. Не так сильно, как хотелось бы, но тот сдавленно вскрикнул – значит, и этого хватило. Он пока самый опасный. Я повёл правой рукой и решил свою проблему номер один.

Нож, подхваченный невидимой петлёй, перевернулся в воздухе и полоснул по горлу парня с кастетом. Тот забулькал, сверху на меня полился кровавый дождь.

И тут же грохнул выстрел.

Я бросился вперёд, перекатился, уходя из-под гипотетического обстрела и из-под кровавого дождя одновременно. Подскочил.

Зеркало Зла

– Ни с места! – надрывался полицейский. – Руки!

Я медленно поднял руки, косясь на двух своих соперников. Тот, что с кастетом, рухнул на колени и, постояв так секунду, повалился на бок. Второй, с дыркой посреди лба, лежал на капоте припаркованной возле тротуара машины. Но стрелял точно не полицейский. По крайней мере, не этот.

– Не двигаться! – Он бочком, как-то дёргаясь, приближался ко мне, держа в одной руке пистолет, а другой пытаюсь снять с пояса наручники. – Ни с места! Ни с...

– Ты сколько дней на службе, сынок? – услышал я за спиной голос Пенгфея.

– Что? Ни с места! – заорал полицейский.

– Сейчас я покажу тебе удостоверение. Вот оно. Ты внимательно на него посмотришь и опустишь оружие. Вот так, молодец. Так сколько дней ты служишь? Или имеет смысл спрашивать о часах?

– Два... Два года.

– Два года? И тебе не хватило этого времени, чтобы понять, как пользоваться этой чёрной штуковиной, в которую ты вцепился, как в член своего бойфренда?

– Я... Но я ведь...

– Тебя едва не прикончили дважды. Человек, которого ты пытался арестовать, спас твою шкуру один раз, а я – второй. Только держу пари, ты этого даже не заметил. Был слишком занят тем, что просил всех не двигаться с места.

Я медленно опустил руки, рассудив, что опасность миновала. Отменил и защитную технику. Повернулся к Пенгфею, который отчитывал мальчишку в полицейской форме.

– Ты можешь идти, Лей Ченг, – сказал Пенгфей, не глянув на меня. – Наверное, твоих автографов ждут и в других местах.

– Но он... – встрепенулся полицейский.

– Он – жертва нападения. Я – свидетель. Моих показаний будет достаточно. Если требуется, господин Ченг даст показания письменно. Он не скрывается, его адрес известен полиции. Не смеем задерживать, господин Ченг.

– Спасибо, – кивнул я. – Удачи тут...

– Я бы на вашем месте вызвал такси, – посоветовал Пенгфей. – И для начала заехал домой.

Ну да, после кровавого дождика идти пешком по городу – так себе идея.

– Так и сделаю, – кивнул я и достал телефон из кармана. Только вот позвонил не в службу такси. – Джиан, ты далеко от больницы? Ага. Подбери меня возле европейского кафе, поскорее.

Сбросив вызов, я подошёл к парню с перерезанной глоткой, присел. Н-да, шансов – ноль. На второго я даже смотреть не стал. Дырка в башке – есть дырка в башке.

– А я ведь просто пытался спокойно жить, – сказал я мертвецу. – Что, для вас, уродов, это слишком?

Глава 4. Болин

– Снова туда же? – спросила Кингжао.

Я, стоя на пороге, кивнул. Когда вернулся, мне удалось проскользнуть в ванную незамеченным, избежав тем самым перепуганных взглядов и расспросов. Испачканную в чужой крови одежду я собирался закинуть по дороге в прачечную, держал в руке плотный пакет.

– Да. В больницу.

– Что ж, доброго дня.

– Спасибо. И тебе. – Я вышел за порог и закрыл дверь.

Джиан дожидался в машине, припаркованной рядом с домом. Курил, привалившись к капоту. Увидев меня, выбросил окурочек, сел за руль. Я – рядом. Машина тронулась. Куда ехать, Джиан не спрашивал. В последние пару месяцев мои дни были весьма однообразны.

Я просыпался – делал разминку – завтракал или шёл в европейское кафе – ехал в больницу, где лежала Ниу. Если, конечно, мне не сваливался внезапно на голову кто-нибудь вроде Пенгфея. Если сваливался, значит, в больницу я ехал сразу после того, как управлялся с тем, что свалилось.

Я навещал Ниу каждый день, начиная с того, в который её увезли на «скорой». Не пропускал ни одного визита – благо, приходить в палату имел право в любое время суток, уж это за свои деньги мог себе позволить.

Ниу лежала в коме. С той минуты, как я нащупал биение её артерии, и ожившую, нашими с Дэйю усилиями, но не пришедшую в сознание девушку увезли врачи, не изменилось ровным счётом ничего. Ниу лежала всё так же неподвижно.

С её лица стёрли кровавые разводы, и теперь казалось, что Ниу просто спит. Выражение лица было абсолютно живым – спокойным, безмятежным, в точности таким, каким бывало, когда Ниу засыпала, свернувшись калачиком рядом со мной. Казалось, что стоит позвать – и она тут же встрепенётся, откроет глаза, будто царица из сказки. В первые дни я, врываясь в палату, ждал именно этого – что Ниу придёт в себя прямо сейчас. Ведь если бы очнулась раньше, мне бы тут же позвонили.

Но время шло, а состояние Ниу не менялось. И постепенно врывать в палату я перестал. Спокойно заходил, спокойно присаживался на стул возле её кровати. Я давно уже не ждал от этих посещений сюрпризов – как их, пожалуй, никто уже не ждал. Кингжао каждый день провожала меня в больницу, Джиан отвозил туда – но все мы будто подчинялись ритуалу. Выполняли не самую обременительную, необходимую обязанность, без которой день просто не мог начаться. И Кингжао, и Джиан давно перестали спрашивать: «Ну как там Ниу?» Знали, что если что-то вдруг изменится, они будут первыми, кому я об этом сообщу. И если не знали, то догадывались, что с каждым днём шансы что-то изменить таяли. Не меняясь внешне, с каждым днём Ниу уходила всё дальше.

Знал это, разумеется, и я. В своё время вдоволь належавшись в больницах и реабилитационных центрах, многое успел узнать. Например, то, что при коматозном состоянии мозг человека продолжает нормально функционировать в течение всего нескольких суток. Потом он, как правило, отмирает. То есть, если больному и удастся выйти из комы, прежним человеком он уже не будет – мягко говоря. А если называть вещи своими именами, то к жизни вернётся уже не совсем человек.

Видеть таких «не совсем людей» в прошлом мне доводилось. Тяжёлое зрелище. И мой немой вопрос – к себе и тем, кто боролся за жизнь больного, – всегда был единственным: зачем? Кому нужно это подобие жизни? Самому больному? Его родным и близким, которым предстоит взвалить на себя тяжелейшую обузу – ухаживать за неразумным овощем до тех пор, пока тот, наконец, не умрёт?

В то время я этого искренне не понимал. Твёрдо знал только одно: если я в этой жизни чего-то действительно боюсь, то именно такого конца. Я ненавидел состояние беспомощности – всегда, с самого детства. Ненавидел ситуации, на которые не мог повлиять. Ненавидел, когда меня загоняли в угол. И задумываясь о смерти, мечтал лишь об одном – умереть не на больничной койке. Не бесполезным, роняющим слюни грузом на руках тех, кому мог быть дорог. Я отдал бы всё за то, чтобы избежать такого конца. А сейчас, в больнице, глядя на бледное, почти сливающееся цветом с подушкой лицо Ниу, я думал о том, что не могу позволить ей умереть. Несмотря на то, что её шансы вернуться в этот мир человеком стремятся к нулю. Сейчас я понимал родных тех людей, кого видел когда-то.

Пока человек жив, никто не запретит надеяться на чудо. Человеческий мозг – субстанция, как известно, тёмная и мало изученная. Нет правил без исключений. И чудеса иногда случаются...

Я в чудеса не верил. Даже к сказкам, которые читал в детстве, относился с изрядной долей скептицизма. До тридцати восьми лет дожил, считая себя абсолютно рациональным человеком. И от того, что оказался в другом мире – избранным духом, дважды рождённым и хрен знает кем ещё – моё мировоззрение не изменилось. В чудеса я по-прежнему не верил – несмотря на то, что сам, вернув к жизни Ниу, совершил что-то подобное.

В этом мире существует магия, и я могу ей управлять? О'кей, я принял этот факт – просто как одну из составляющих того, что меня теперь окружает. Но это вовсе не означало, что начал верить в чудеса. За прошедшее время успел смириться с тем, что так и буду каждый день приезжать сюда, в больницу. Ни на что уже не надеюсь. И твёрдо зная, что если что-то вдруг изменится, то к худшему...

– Добрый день!

В палату, предварительно постучав, шагнул Болин, лечащий врач Ниу. Человек, который с каждым визитом раздражал меня всё больше. Он появлялся на пороге палаты ровно через пять минут после того, как в неё заходил я.

В первый раз Болин распахнул дверь палаты без стука. Через секунду я держал его горло в захвате, а к виску прижал дуло пистолета. После этого врач начал вежливо стучаться перед тем, как войти. Не сказать, чтобы произошедшее его до смерти напугало, просто, по его словам, старался не нервировать меня лишним раз.

«Мне доводилось общаться с людьми вашего... э-э, рода занятий, – объяснил тогда он. – Я знаю, что нервы у вас ни к чёрту. Опасность мнится подстерегающей за каждым углом, выглядывающей из каждой щели... Могу, кстати, посоветовать чудесную биодобавку! Успокаивает, нормализует сон, улучшает пищеварение. Никакой химии, абсолютно натуральный продукт».

В прошлой жизни такие врачи мне тоже встречались, я называл их гомеопатниками. Это были разные люди, и методы лечения они предлагали разные, от иглоукалывания до питья мочи, но объединяло их одно – искренняя вера в то, что нестандартный подход к лечению может сотворить чудо. К слову, откровенные шарлатаны мне почти не встречались, они, как правило, обладают мощным чутьём на тех, кого получится развести, и тех, кого лучше обходить по широкой дуге. Я повышенной внушаемостью никогда не отличался и однозначно относился ко второму типу. А вот с фанатами своего дела, людьми, искренне убеждёнными в том, что только их методики могут помочь отчаявшемуся пациенту, общаться доводилось не раз.

Когда я выяснил, что в лечащие врачи Ниу достался гомеопатник, отправился к заведующему больницей и потребовал заменить Болина. Заведующий округлил глаза. Пробормотал:

– Но вы ведь сами просили определить вашу подругу под наблюдение самого лучшего доктора?

– Хотите сказать, что Болин – лучший?

– В своей области – безусловно.

– И что это за область?

– Доктор Болин – специалист широкого профиля, – уклончиво отозвался заведующий. – Но, наверное, вам будет интересно узнать, что за время существования нашей больницы мы наблюдали не так много случаев выхода из комы. И все эти люди были пациентами доктора Болина.

Больше я настаивать на смене врача не стал.

И теперь при каждом посещении выслушивал рассказы доктора о том, что отчаиваться не стоит, он наблюдал и не такие тяжёлые случаи, о том, что Ниу молода и непременно выкарабкается.

– Возможности человеческого организма до сих пор как следует не изучены, – воодушевлённо вещал Болин. – Много лет человечество бьётся над вопросом, что есть сознание? И однозначного ответа на этот вопрос пока не существует. Я ведь рассказывал вам, что совершал паломничество в один из закрытых монастырей в горах?

– В какой? – машинально спросил я.

– О, этого я не могу открыть, и не просите. К таким святыням не приходят вдруг, к ним подбираются маленькими, осторожными шажками. Для того, чтобы устремиться навстречу знанию, нужно чувствовать себя готовым его принять. И в момент, когда вы почувствуете себя готовым, путь сам позовёт вас...

Я бы мог, наверное, рассказать, что бывать в монастыре мне доводилось и без паломничества. Не сказать, чтобы по зову пути, если честно, то даже не по доброй воле, но тем не менее. В моём доме хранился свиток, вручённый настоятелем монастыря собственноручно – а это что-то да значит. Но ничего подобного я не говорил.

Во-первых, Болин попросту не мог не знать, кто я такой – это давно уже не было секретом ни для кого в Шужуане. Слухи о новом клане и его главе ползли по городу быстрее, чем бегут круги по воде. Что за девушка лежит в этой больнице в отдельной палате, и кем она приходится главе клана Ченг, здесь наверняка знали все, до последней санитарки. Да и врачи со скорой своими наблюдениями за тем, как Ниу у них на глазах восстала из мёртвых, не могли не поделиться с коллегами. Но Болина это совершенно не смущало. В каждый мой визит он снабжал меня всё новыми подробностями о скрытых возможностях человеческого организма. О том, как велики резервы нашего сознания. Рассказывал о случаях невероятного исцеления, цитировал какие-то статьи...

Поначалу Болин жутко меня раздражал. Весь, от блестящей лысины до таких же блестящих, неизменно начищенных ботинок. Но человек, как известно, привыкает ко всему. Болин действительно считался лучшим врачом в больнице, и в его практике действительно бывали случаи, когда пациенты выкарабкивались из комы – я не поленился это проверить. В итоге смирился и с Болином, и с его напыщенной болтовнёй. В конце концов, сознание – штука и впрямь тёмная. Если существует хоть доля шанса, что этот фанатик сумеет вернуть Ниу к жизни, я не имею права упускать такой шанс.

Войдя в палату, первым делом я обычно подходил к Ниу. А убедившись, что ничего не изменилось, включал висящий на стене телевизор. Садился так, чтобы во время визита Болина смотреть на него – но вместе с тем краем глаза следить за происходящим на экране. Не сказать, чтобы меня интересовали сериалы, реклама или выпуски новостей, но работающий в фоновом режиме телевизор странным образом гасил раздражение, которое вызывал во мне Болин. Как правило – но не всегда. Иногда я всё-таки срывался. И сегодня, то ли из-за странного нападения, то ли по другой причине, был, похоже, именно такой день.

– Как уже рассказывал, я больше двух лет провёл в монастыре высоко в горах, – вещал Болин, – в качестве паломника. И...

– Давно хочу спросить, – оборвал его я.

Болин недоумённо замолчал.

– Э-э... О чём же?

– У вас настоящая лысина?

– Что? – растерялся Болин.

– Ну, вы бреетесь налысо, следуя традициям монастырей, или у вас просто выпали волосы, и вы решили, что ходить лысым – эстетичнее, чем прикрывать плешь остатками шевелюры?

Ответить Болин не успел. У меня настойчиво затрезвонил телефон.

– Извините. – Я вытащил из кармана телефон, посмотрел на экран.

Юн. Сбросил звонок.

Вести личные разговоры в присутствии Болина точно не был готов, выходить в общий коридор, по которому то и дело сновал туда-сюда медицинский персонал, тоже не хотелось.

«Я знаю, что нервы у вас ни к чёрту. Опасность мнится подстерегающей за каждым углом, выглядывающей из каждой щели...» – припомнил слова Болина.

Да уж. Расслабиться я, может, за последние дни и расслабился, но вот навязчивая паранойя, которую Леонид Громов культивировал в себе годами, никуда не делась. И до гробовой доски никуда не денется, в этом я был уверен. Если не опасность, то посторонние уши мне точно везде мерещатся. А Юн не вспоминал обо мне чёрт знает сколько времени – значит, и ещё подождёт, не развалится. Если вдруг что-то срочное, перезвонит, и тогда уж доктора Болина мне точно придётся покинуть – Юн не тот человек, который будет доставать звонками ради того, чтобы поболтать о погоде. Но перезванивать Юн не стал. Вместо этого телефон пиликнул – сообщение.

«Включи телик», – прочитал мелькнувшую на экране строчку я.

Глава 5. Экстренный выпуск

Прочитав сообщение, я машинально перевёл взгляд на телевизор, висящий на стене позади маячащей передо мной фигуры Болина. И вдруг заметил, что Болин больше не бежит по палате, как он обычно это делал, захлёбываясь от красноречия. Он даже не жестикулирует – застыл, будто изваяние, и не сводит взгляд с телеэкрана. Я с недоумением уставился туда же.

«Экстренные новости. – Первым, что бросилось в глаза, была бегущая строка. – Беспорядки в северо-западной и центральной провинциях!»

Звук у телевизора был выключен – сколько я себя помнил, в этой палате ни разу его не включал. Поискал глазами пульт, не увидел; сорвавшись с места, подскочил к экрану и нащупал у него на торце кнопку, регулирующую звук, нажал на неё.

– ...Уличные беспорядки, местами переходящие в жестокие драки и вооружённые столкновения, – гаркнул диктор.

Я, поморщившись, убавил громкость.

Голос диктора звучал профессионально-бесстрастно, но нарезку из кадров явно собирали впопыхах, из чего придётся. Камера то и дело прыгала – в ролике присутствовали как куски, снятые профессиональным оператором, так и части, перепавшие телеканалу со смартфонов очевидцев. А значит, это ещё не самые жуткие кадры. Стоит только окунуться в интернет...

Ни один из районов, которые показывали в репортаже, я не узнал. Улицы, дома, машины, витрины маленьких магазинов и огромных торговых центров, обшарпанных забегающих и дорогих ресторанов – всё это могли бы снять как здесь, в Шужуане, так и в любой другой части страны. Лица, мелькающие в кадре – то злобно-оскаленные, то перепуганные, то невозмутимо-спокойные – я тоже не узнавал. Но вот не узнать одежду, которую носило большинство парней, вышедших на улицы, не мог. Если отличительным знаком бойцов клана Чжоу были чёрные безрукавки, то бойцы клана Хуа носили белые, украшенные изображениями черепов. Многие и волосы красили в белый цвет – не знаю уж, подражали Юшенгу, или эта традиция появилась задолго до блондина-психопата.

Белые безрукавки мелькали в каждом кадре. То одиночными пятнами, то буквально заливая улицы. Там, где бои шли давно, безрукавки успели утратить белизну, покрылись полосами грязи и пятнами крови – но без них не обходился ни один сюжет. Парни в белом были везде, как будто Хуа одновременно выпустили на улицы всех своих бойцов и скоординировали: фас!

Драки.

Врукопашную – один на один, в кадре мелькают боец в белой безрукавке и мужик в приличной рубашке, манжеты которой ещё час назад наверняка были украшены запонками.

Кучей на одного – трое парней в белых безрукавках месят ногами кого-то, лежащего на земле.

С применением техники – двое в безрукавках на ободранном джипе таранят чёрную, явно дорогую машину. Удар. Откатились назад, разогнались – ещё удар. И ещё. Машина бьётся об ограждение дороги до состояния «всмятку». После чего налетает откуда-то ещё с десятков парней в белых безрукавках. Изуродованную машину переворачивают на крышу. Скрутили крышку бензобака, один из бойцов, припадочно хохоча, поджигает обрывок картона и заталкивает внутрь. Белые безрукавки бросаются врассыпную. Взрыв.

Перестрелки.

В этом районе нагородили целые баррикады из перевёрнутых машин, мусорных баков, старых покрышек и чёрт знает, чего ещё. Стреляют из пистолетов, автоматов – до тех пор, пока эти звуки не перекрывает пулемётная очередь. Штурмующие баррикады белые безрукавки окрашиваются красным. Падает один парень, другой, третий – но остальные будто и не

замечают потерь. Они продолжают наступать. Из переулков к месту побоища стекаются свежие силы, на смену упавшим встают новые бойцы – и вот уже белая волна захлёстывает баррикаду, хороня под собой и пулемётный огонь, и тех, кто так отчаянно отстреливался.

– ...Подняты на ноги все полицейские части и ближайшие воинские подразделения, – всё так же бесстрастно докладывал диктор. – В настоящее время принимается решение о введении в провинции чрезвычайного положения. Мы будем продолжать держать вас в курсе событий! Следите за новостями на нашем канале.

Всё. Экстренный выпуск закончился. Пошла реклама.

Ещё примерно минуту я невидящим взглядом смотрел на то, как прекрасные девы в струящихся одеждах собирают чайные листья на фоне гор, а потом улыбающаяся женщина заваривает чай и оргазмически стонет, вдохнув аромат. Через минуту отмер и убрал в телевизоре звук.

– Какой кошмар, – выдохнул, отмерев вслед за мной, Болин.

– Улун? О, да, – согласился я. – Терпеть его не могу.

– Святые духи, я не об этом! Вы видели, что творится на северо-западе?

Я вздохнул:

– Доктор Болин. Телевизор большой, глаза у меня на месте. Всё то время, что показывали новости, я смотрел на экран. Каким образом, по-вашему, я мог не заметить, что творится на северо-западе?

– И что вы об этом думаете? – Болин был не из тех, кого можно смутить грубостью.

– Что я об этом думаю...

Честно говоря, думал я по-русски и матерно. А самыми цензурными и подходящими словами, которыми мог бы описать Болину происходящее, были «восстание зомби».

Вот оно, началось – то, о чём мы давным-давно, сидя над обрывом, разговаривали с Дэйю.

Среди тех, кто был одет в белые безрукавки, я не видел стариков. Там даже мужчин среднего возраста не было – сплошь молодые парни. Крепкие, тренированные. Одно слово – бойцы. Те, что «работали» на улицах. Участь, которую пророчил мне когда-то Вейж, мир его праху. Если бы я не был избранным и вопреки всему, что мне противостояло, включая собственное тщедушное телосложение, сумел выбиться в борцы в Цюане, попасть на межклановый турнир и победить, я бы тоже стал таким бойцом. И, как заметил когда-то Юн, начинать мне пришлось бы с улиц. То есть я превратился бы в одного из тех парней, которых видел только что на экране – с той лишь разницей, что носил бы не белую безрукавку, а чёрную.

«Это ведь только так называется: начинать с улицы, – сказал мне когда-то Юн. – Большинство там же и заканчивают».

Интересно, куда деваются клановые бойцы, достигшие условно-пенсионного возраста? Вероятно, туда же, куда в моём мире деваются профессиональные спортсмены, выйдя в тираж. Какая-то часть до последнего цепляется за спорт – продолжает выступать в любительских соревнованиях, идёт на тренерскую работу. Кто-то пытается освоить обычные профессии – несложные, разумеется, потому что времени на получение образования или специальности у этих людей не было, всё их время занимали тренировки. А кто-то садится на шею жене/мужу/родителям и стремительно спивается – от осознания собственной никчёмности. На пьедестале, который всего год назад занимал ты, уже стоит другой парень. А ты, тридцатипятилетний старик, на хрен никому не нужен... Жёсткий удар для психики, не каждый выдержит.

Кланы, скорее всего, предоставляли своим «старикам» рабочие места на заводах и фабриках. И люди шли работать – деваться им было некуда. Ведь раз подсев на клановые таблетки, слезть с них ты уже не мог.

Таблетки. Парни в белых безрукавках сидели на таблетках, все поголовно. Тех самых, «секретным ингредиентом» которых являлась кровь Кианга.

«Кровь, заряженная его духом, – вспомнил я слова, сказанные мне когда-то Дэйю. – Сверхбыстрое подчинение. Вот о чём не догадываются кланы: они роют себе могилы собственными руками. Потому что каждый, кто принимает таблетки, на самом деле подчинён Киангу. Как только он отдаст приказ – эти люди сделают всё, что угодно».

И сегодня, судя по тому, что я увидел пять минут назад, Кианг отдал приказ.

Не знаю, к какому выводу пришли представители властей, наблюдающие за «беспорядками», а для меня происходящее было ясно: парни в белых безрукавках бросались не абы на кого. Они охотились на своих.

Люди, на которых шла охота, не выглядели бедняками. Парни в белых безрукавках избивали на улицах, выволакивали из домов, подстерегали возле ресторанов и офисов тех, кто ими управлял. Старших «цепочек», смотрящих городских районов, владельцев казино, ресторанов, борделей – всех, кому в клане Хуа принадлежала власть. Что за команду отдал этим парням Кианг, я не знал, но догадывался. Месть – вот какого джинна он выпустил из бутылки. Парни, ваше время пришло! Вы вправе отомстить тем, кто долгие годы держал вас в чёрном теле. Кто посадил на таблетки – а за малейшую провинность мог оставить без них. Тем, кто отнял право на простую человеческую жизнь, лишил семей, детей, возлюбленных.

«Идите и возьмите то, что принадлежит вам!» – должно быть, примерно так звучал приказ Кианга. По телевизору этого, конечно, не покажут, но я был уверен, что, оттоптавшись на своих бывших начальниках и вдоволь натешившись безнаказанностью, парни в белом устремлялись добывать таблетки. В том, что они их добудут, я не сомневался. Вопрос – что дальше? Чего добивается Кианг? Какова конечная цель этого зомби-апокалипсиса?..

В висках заныло – как бывало всегда, когда вопросов в голове роилось больше, чем я мог найти ответов.

– Что с вами, господин Ченг? – Доктор Болин неведомо когда успел оказаться рядом и сочувственно смотрел на меня. – Головокружение? Мигрень? Подождите немного, я сейчас позвоню и попрошу, чтобы вам принесли лекарство. Это буквально чудодейственный препарат! Он мгновенно снимает...

– У вас есть семья, доктор Болин? – перебил я.

– Э-э-э... – растерялся Болин. – Вы никогда об этом не спрашивали...

– Мало ли, о чём я не спрашивал. Так есть или нет?

– Есть. Жена и сын. К слову, удивительно талантливый мальчик! Вы не поверите – ему всего четыре года, а он уже...

– Где они живут? – снова перебил я. – Здесь, в Шужуане?

– Нет. Я родом из Тайцзы, это...

– Я знаю, где это, – кивнул я. – И мой вам совет: срочно свяжитесь с женой. Пусть забирает ребёнка и приезжает сюда. Немедленно. Уверен, что у вас найдётся, где их приютить.

– Безусловно, найдётся. Но, господин Ченг... Я не понимаю...

– Поверьте, доктор: вы не единственный, кто ничего не понимает. И лучше даже не пытайтесь понять, здоровее будете. Просто срочно переправьте семью в Шужуань, пока автобусы, самолёты и поезда ещё не начали брать штурмом. Очень скоро это место станет самым безопасным в стране.

– Но... – пролепетал Болин. – Но откуда вы...

– Считайте предчувствием. – Я поднялся. – Возможности человеческого сознания ещё ведь не изучены как следует, верно?.. Всего доброго, доктор Болин.

Закрывая за собой дверь, я увидел, что врач достал из кармана телефон.

Глава 6. Восстание зомби

Выйдя на улицу, я немного постоял с закрытыми глазами. Переключился с одного режима на другой. Старался не думать о прошедшем визите, как об отбытой повинности. Нет, это – жизнь. Моя жизнь. Которую я сам у себя едва не отнял. Я не тупой, со второго раза понимаю: потерять – очень легко, а вернуть – либо невозможно, либо чертовски тяжело.

Но всему своё время. Пожил – хватит. Теперь работа, которая настойчиво требует к себе внимания. Беспорядки в стане Хуа. Какая-то чёртова революция с боями на улицах, горящими машинами и покалеченным спецназом. Обычно подобные революции так и проходят, за исключением спецназа. Эти ребята оказываются на высоте, им за то и деньги платят. В этот раз что-то пошло не так, и получили все как следует. Что не удивительно, если «революционеры» настолько же прокачаны, как та пара недоделков, что пытались сегодня убить меня.

Пара недоделков, с которыми едва справился один избранный. Справился ли. Если бы не Пенгфей, меня могли бы и грохнуть. Хотя, с другой стороны, это же я сам насочинял себе ограничений – не задевать невинных людей. Другой избранный, выбравший путь убийцы, например, о таких вещах не стал бы задумываться. Он, может, и пяток этих отмороzków уложил бы, хоть и не без натуги.

Только вот избранные – товар штучный. А революция, судя по кадрам с трясущихся камер, приняла впечатляющие масштабы.

Звонок Юна однозначно имеет отношение к этому. Он больше не шифруется, звонит напрямую со своего номера. Значит, правила игры изменились, и, пусть против воли, но я в ней участвую. Меня ведь тоже пытались убить.

Я махнул рукой Джиану, который следил за мной напряжённым взглядом. Он стоял у машины и курил. Кажется, начал чаще курить в последнее время. Надо будет сделать внушение. Черту, за которой никотиновый дым начинает забивать физические характеристики, очень легко переступить. В детстве кажется иначе. Особенно когда курящие одноклассники бегают быстрее и подтягиваются больше, чем ты. Но жизнь – это игра вдолгую. И с длинной дистанции сходит много тех, кто поначалу подавал большие надежды.

Достав телефон, я отошёл подальше от входа, убедился, что рядом нет открытых окон, и перезвонил Юну. Тот ответил после первого же гудка:

– Новости видел?

– Угу. То, о чём я думаю?

– Больше нечему.

– Вы-то как? Репортёр сказал, такая хрень во всех кланах. Но показывали в основном Хуа. Они рядом, канал был местный...

Вскоре после того, как я вернулся домой, ко мне действительно приехал человек от Юна и в торжественной обстановке, чуть ли не ритуально, взял кровь из вены. Немного, но этого, по моим прикидкам, должно было хватить на изрядное количество спасающих от зависимости таблеток. Больше я этого человека не видел. И Юн позвонил мне лишь однажды – выразить свои соболезнования в связи со случившимся несчастьем. Потом у него, видимо, были другие заботы.

– Не будем обсуждать это по телефону. Лей, ты нужен мне здесь.

– Я много где нужен.

Пауза. Кажется, несколько секунд Юн даже не дышал.

– Лей, скажи мне только одно: ты что, сдался?

Я смотрел в свинцово-серое небо и всерьёз думал над этим вопросом. Сдался? Простой вопрос, Лей. Да или нет?

– Всё будет иначе, – заговорил Юн, не дождавшись ответа. – Теперь за тобой будет стоять мощь всех кланов.

– Угу. То, что от неё осталось. – Я вздохнул. – Ладно. Узнаю, как там с билетами.

– Билеты я куплю тебе сам, на первый утренний поезд. Тебе и... и ещё один, на предъявителя.

Заминка меня повеселила, я даже улыбнулся. Готов был спорить, что щёки Юна в этот миг порозовели.

– Давай лучше оба – на предъявителя. Моя фамилия слишком известна, чтобы трепать её где бы то ни было.

– Да, пожалуй, ты прав. Так я на тебя рассчитываю?

– На меня – да. По крайней мере, на чай загляну. А вот насчёт второго предъявителя пока ничего не могу ска...

Я повернул голову и проглотил остаток слова. Дэйю стояла рядом с Джианом. Судя по тому, как он шарахнулся, появилась там только что. Стояла, сложив на груди руки. Красные волосы развеивал ветер.

– Да, всё прекрасно, мы приедем, – сказал я. – Конец связи.

И, сбросив вызов, зашагал по направлению к этой «сладкой парочке», которая, кажется, уже принялась переругиваться.

* * *

– Вообще, знаешь, пару часов назад мне бы твоя помощь сильно пригодилась, – сказал я, когда мы сидели в машине, едущей к моему дому. – Где пропадала?

– Ты и без меня неплохо справился, – невозмутимо ответила Дэйю, проигнорировав вопрос.

– Ты что, следила за мной? – повернулся я к ней.

– Нужно было убедиться, что ты – это ты, а не распустившая нюни девчонка.

Джиана передёрнуло.

– Слышь, ты, – начал он с угрозой в голосе.

– Ох, прости, пожалуйста, – тут же сменила тон Дэйю и сложила из пальцев комбинацию, которую я уже видел однажды.

– «Шёпот травы»? – спросил я.

– Ага.

Джиан, кивнув каким-то словам, которые якобы услышал, принялся спокойно насвистывать, глядя на дорогу. Пока работает техника, он будет слышать успокаивающий фоновый шум, который в действительности производит его воображение.

– Ну так и что – убедилась? – спросил я.

Дэйю пожала плечами:

– Раньше ты бы разделался с ними за секунду.

– А ты издалека смотрела, да?

– А что?

– А то, что эти двое были точь-в-точь такими же, как тот отморозок на баркасе, который едва тебя не угробил. И, насколько я понимаю, сейчас армии точно таких же взяли верх над всеми кланами. Взяли или берут. Я думал, ты поэтому появилась. Завтра утром мы с тобой едем в Дайчжоу.

– В Дайчжоу? – повторила Дэйю.

– Да, в гости к господину Юну. Кстати, он тоже покраснел, когда говорил о тебе.

Дэйю резко отвернулась. Я улыбнулся, но тему развивать не стал. Будет нелепо, если поездка сорвётся, потому что Дэйю уложит меня в соседнюю с Ниу палату. И сама ляжет рядом.

– Я появилась, потому что почувствовала твой зов, – процедила Дэйю сквозь зубы.

– Это как?

– Мы связаны, мы – звенья одной цепи. Забыл? Ты, я, Юн, этот бешеный блондинчик. А ты – начало и конец этой цепи. Любой из нас услышит твой зов, даже если он будет неосознанным.

– А просто так, без зова, ты не могла заглянуть в гости, выпить чаю?

– Нет. Терпеть не могу, когда в моё личное пространство вторгаются те, кого я не звала, и следую мудрому правилу: относиться к другим так же, как хочешь, чтобы относились к тебе.

– Прелесть какая, – пробормотал я.

– Что?

– Ничего. Так значит, это то, о чём ты говорила ещё в монастыре? Кианг отдал ментальный приказ, и все, кто сидит на его колёсах, подскочили и кинулись свергать кланы?

– Условно говоря – да. Но имей в виду, ты не сможешь убедить этих парней или что-то вроде того. Это работает куда тоньше и страшнее, чем просто внушение.

– Просветишь?

– Могу рассказать, как было у меня. Я открыла дверь в гостиничный номер и увидела мразь, которая продала меня в рабство. Человека, который лишил меня детства, из-за которого мне пришлось стать убийцей. Маньяка и садиста. Это были мои мысли. Моя ненависть. И я убила его, даже не задумываясь. Собственного отца... Все эти люди, которые сейчас устраивают погромы, годами копили ненависть к кланам. Они чувствовали себя бесправными марионетками, чувствовали, что их используют, их поработают. Кианг сейчас всего лишь высек искру, а горят они сами.

– Ну да, так везде и со всеми. Не нравится чувствовать себя марионеткой, которую дёргают за две ниточки – отдай в другие руки все четыре и почувствуешь себя свободным. Ведь какое-то время тебя будут дёргать так, как ты того хочешь. Мы живём в переломную эпоху, Дэйю. В эпоху перемен... Как там сказал Конфуций – врагу не пожелаешь. Хотя в Шужуане всё вроде бы в целом спокойно. – Я посмотрел в окно.

Люди ходили по своим делам, машины, скутеры и велосипеды сновали взад-вперёд. Жизнь как жизнь, даже мой утренний поединок не поставил город на уши.

– Кианг не поставлял в Шужуань своё зелье, – сказала Дэйю. – Он копал именно под кланы, а в Шужуане вёл, надо полагать, иную политику. Когда же добрался до Шужуаня, тут уже встали на ноги мы. И сделали немало. Одна та сумка, которую ты забрал у Йи, дорогого стоит. Минус партия товара, минус канал сбыта. Две палки в колесо.

Джиан повернул на мою улицу. Я посмотрел на Дэйю.

– Завтра утром на вокзале, первый поезд в Дайчжоу. Захвати зубную щётку.

Когда машина остановилась, Дэйю взялась за ручку двери и зависла.

– Что-то не так? – мягко спросил я.

– Просьба.

– Излагай.

– Можешь не рассказывать господину Юну о том, что случилось в поезде тогда... Ну ты понимаешь.

– Да уж не дурак, – усмехнулся я. – Могла бы потратить желание на что-нибудь более полезное.

– Спасибо. – Она приоткрыла дверь, но теперь я её остановил, коснувшись плеча.

– Дэйю.

– Что?

– Мне тебя не хватало. Рад был повидаться.

– Взаимно. – Она криво улыбнулась и поспешила выскочить наружу, где тотчас исчезла, даже раньше, чем захлопнула дверь.

Дэйю явно была не из тех, кто легко даёт волю чувствам. Случай в поезде не в счёт.

– Как там Ниу? – спросил Джиан.

– Без изменений, – сухо ответил я.

Даже у Дэйю хватило такта не спрашивать. А может, она просто знала. Для неё не существовало закрытых дверей и врачебных тайн. По крайней мере, не в обычной больнице. Но у Джиана, как оказалось, были свои причины поднять эту тему.

– В последнее время не сплю ни хрена, – пожаловался он.

– Кури поменьше перед сном. – Я взялся за ручку двери. – Миф о том, что никотин помогает расслабиться, распустили идиоты, которые сами не знали, о чём говорят.

– Мне снится Цюань. – Джиан повернулся и посмотрел на меня каким-то чужим взглядом. Более взрослым, чем раньше. – И как мы с парнями идём к кухне. А там – она. В тот день, когда ты прятался в мусорном ящике.

Я молчал. По коже пробежал холодок.

– И все наши рядом. Бохай, Бэй... Ханг. Они схватили её. И я, чёрт возьми, с ними. Но вдруг поворачиваю голову и вижу, что у Бохая вместо лица – кровавая каша. Как будто он с небоскрёба упал. «Как будто»... – Джиан беззвучно засмеялся и достал из пачки очередную сигарету. Руки у него дрожали. – Я понимаю, что стою там в окружении живых мертвецов. И если я попытаюсь... Если хоть что-то... Они меня разорвут.

Он закурил. Я не стал его одёргивать, и Джиан знал, что я не стану.

– Если хочешь уйти – пожалуйста, – сказал я. – Ты пережил достаточно, чтобы выйти на пенсию.

– Вот как, да? – горько усмехнулся Джиан. – И ты, значит, будешь платить мне пенсию... Я не о том, как мне хреново, Лей. Я о том, кем я был.

– Сделай мне одолжение – посмотри в зеркало.

Джиан послушно опустил салонное зеркало и посмотрел в него.

– Вот, каждый раз, как захочешь поднять эту тему – смотри на себя, – твёрдо сказал я. – Это – то, что я вижу, когда смотрю на тебя, что видят другие люди. Там похоронены все «если» и «но», все вопросы и ответы, и все счёты.

Джиан отвернулся. Половину его лица покрывали шрамы от ожога кипятком. Вечное напоминание о том, какой ценой достаётся право быть человеком, и с какого дна можно выбраться, если хотеть и верить.

– В пять утра отвезёшь меня на вокзал. – Я хлопнул его по плечу. – Постарайся выспаться.

Дома мне опять пришлось отвечать на расспросы о состоянии Ниу. Кингжао и сама время от времени навещала её, знала всё, но это не мешало ей надеяться на чудо.

– Этот доктор Болин – такой хороший, – говорила она, хвостом следуя за мной по дому. – Говорит, Ниу непременно придёт в себя. В нашем-то квартале врачи совсем другие. Смотрят на тебя, бывало, так, что сама не рада, что жива...

– Ты что-то хотела? – Я остановился и посмотрел на «маму». Обычно она не решалась так долго досаждать мне разговорами. Чувствовалось в ней какое-то напряжение.

– Сынок... – Кингжао потупилась. – Я бы не стала говорить. Но ты бы всё равно узнал, и, может, рассердился бы...

– Что? – повысил я голос.

Какие ещё сюрпризы готовит сегодняшний день?

– Она звонила...

– Какая ещё «она»?

Кингжао вместо ответа показала в сторону окна. То ли не могла произнести чужестранное имя, то ли не хотела и пытаться.

Я подошёл к окну, посмотрел на улицу. В доме напротив уже жила семья. Муж и жена, пацан лет десяти. Он сейчас как раз сидел на крыльце, мастерил модель самолёта. Каким-то образом почувствовал мой взгляд и помахал рукой. Я чуть заметно кивнул в ответ.

– Надо же, жива ещё... – тихо сказал я.

Шансов было немного – учитывая, как сильно её ломало. Удивительно, что при такой мощной зависимости вообще умудрялась внешне оставаться похожей на человека.

– Она хотела поговорить с тобой. Сказала, что это очень важно. Но я сразу бросила трубку, когда поняла, кто это.

Я поднял руку и резким движением опустил штору. В комнате сделалось темно.

– Правильно сделала, – сказал я. – Обедать-то будем?

Глава 7. Проповедник

Джиан, как штык, появился без пяти пять утра. Я видел из окна, как он припарковал машину, вышел и закурил. Дэйю не было, но по этому поводу я не волновался. Она могла появиться в любую секунду. Сейчас или на вокзале. Могла запрыгнуть в машину на светофоре, ждать меня в поезде или образоваться из воздуха уже на месте. От Дэйю можно было ожидать чего угодно, кроме подставы.

Я застегнул молнию на сумке, проверил, подгружаются ли QR-коды, присланные Юном, и на всякий случай сохранил их в виде скриншотов. Мне, конечно, не составит труда купить билеты самостоятельно, если что-либо пойдёт не так, но задерживаться бы не хотелось. Я планировал решить все вопросы с Юном за сутки и вернуться обратно. Сюда, где на обломках не пойми чего, пытался выстроить нечто, похожее на жизнь.

Чего мог хотеть от меня Юн? Найти Кианга? Блеск, отличная идея, ищи. У клана Чжоу наверняка есть множество спецов по розыску неугодных людей, есть спутники, камеры наблюдения, дроны, доступ к информации о кредитных счетах граждан и многое, многое другое. Я был хорошим полицейским, может, даже отличным. Однако не уникальным. Незаменимых людей не бывает.

Приеду, расскажу всё, что знаю о Кузнецове. А там, право слово, не так много информации. Я знал одного человека, а когда он заманил меня в ловушку, посмотрел в глаза совершенно другому. Всех рассказов – на пару часов от силы, и это если выпить по бутылке-другой пива в честь встречи старых друзей.

Пусть ищут. Найдут – свистнут. Я подъеду, куда скажут, чтобы помочь провести ритуал и прикончить его. А в промежуточных стадиях своей роли не вижу даже сквозь увеличительное стекло.

Надо было выйти на пенсию тогда, когда предложили в первый раз. Знал бы прикуп... Но у меня внутри всё горело. Непонятный Жёлтый дракон раздирал меня на части и исцелял моё тело, ставя в тупик врачей, которые уже давно списали Леонида Громова в безнадёжные пациенты. Самые оптимистичные из них, вроде этого лысого доктора, что присматривает за Ниу, допускали, что я однажды научусь кататься в инвалидной коляске. Но даже под кайфом никто из врачей не мог предположить, что я встану на ноги и, более того, вернусь на службу.

На секунды я замер, надев на плечо сумку. Если уж я, несмотря на все усилия судьбы, сумел выкарабкаться, то, может, и Ниу... Но нет, глупость. Меня избрал дух, и только потому я справился. Если бы она была избранной, уж я бы это почувствовал.

Хотя как? Как бы почувствовал? Секс? Ты весьма страстно кувыркался с Дэйю, когда ещё имени её не знал, и не почувствовал ничего. Техники?.. Что ж, не у всех они открываются спонтанно. Юн говорил, что большинству требуются учителя, чтобы хоть что-то раскрыть. Если вообще уместно говорить о «большинстве» в случае столь малой выборки. Избранных во всех кланах, вместе взятых, едва ли больше сотни. А возможно, я ещё очень сильно преувеличиваю. Так что...

– Что-то забыл? – участливо спросила Кингжао.

– Угу. Забыл уничтожить иллюзии.

– И хорошо. Иногда иллюзии – это всё, что остаётся у человека. Всё, что помогает ему жить...

Повернув к ней голову, я выдавил улыбку:

– Ты так говоришь... как будто жизнь обладает некоей самоценностью.

– А разве не так? – Кингжао, похоже, искренне удивилась.

– Не знаю... Мне всегда казалось, что имеет значение только цель, которой ты подчиняешь свою жизнь. А если нет цели, то и жизнь не имеет смысла.

– Однажды ты поймёшь, что это не так...

– Однажды уже наступило, – хмуро сказал я. – Теперь мне нужно к этому привыкнуть...
Ладно. Береги себя, Джиан будет заезжать. Если что-то понадобится, не стесняйся его эксплуатировать. Ему только в радость.

– Сынок... – Кингжао удержала меня за рукав на пороге. – Скоро всё это закончится.

– Что именно? – удивился я.

– Всё...

Кингжао не могла объяснить, но я отлично её понимал. Я тоже чувствовал этот серый полумрак, окруживший нас со всех сторон. Кого – нас? Мою семью? Шужуань? Поднебесную? Весь мир? Вселенную? Все вселенные, сколько бы их ни было?

– Живи, сохраняя покой, – сказала Кингжао так, что сразу сделалось ясно – она кого-то цитирует. – Придёт весна, и цветы распустятся сами.

Больше она не стала меня удерживать.

Джиан затушил сигарету, увидев меня. Как всегда, сделал вялое движение, будто бы хотел обойти машину и открыть передо мной дверь. Как всегда, я быстро подошёл к задней двери, открыл её сам и, швырнув сумку, уселся. Джиан – я видел это через боковое стекло – лениво всплеснул руками. Мол, как же так вышло, эх...

– А красноголовая не едет? – осведомился он, запуская движок.

– А сколько звёзд в галактике Млечного Пути?

– Без понятия, – удивился Джиан.

– Вот и я тоже.

Верный своим принципам, я вышел из дома с солидным запасом времени. Джиан никуда не торопился, подчёркнуто соблюдая все правила дорожного движения. Когда мы проезжали мимо здания больницы, я с тоской посмотрел в окно.

Привычки легко вплетаются в жизнь. Я привык каждый день заходить туда почти в одно и то же время. Сегодня меня там не будет. И завтра. И послезавтра, вполне возможно, тоже...

Не в первый уже раз рука дёрнулась к телефону. Позвонить, предупредить... Но кого? Ниу на звонок не ответит. Попросить лысого доктора сказать ей, что я на несколько дней отъеду? Да я лучше руку себе отгрызу, чтоб к телефону не тянулась. Можно было бы попросить Кингжао, чтобы она передала, но...

– *Bl*ad', da ne mogu ya tak!*

– Всё хочу спросить, – тут же отозвался Джиан. – Ты то и дело говоришь какую-то лабуду. Это, типа, по-английски или как?

– По-русски, – сказал я, радуясь возможности отвлечься на разговор.

– Фигасе. Знаешь русский?

– Лучше, чем китайский.

Это была чистая правда. Китайский я знал и в прошлой жизни, но, разумеется, не в совершенстве, поздновато начал учить. Здесь же в моём распоряжении оказались все лингвистические познания шужуаньского подростка Лея. С таким багажом стать великим писателем нечего было и пытаться, конечно, однако для моих целей его вполне хватало. Ну а русский язык, во-первых, я «изучал» столько, сколько жил в своём мире, а во-вторых, в отличие от Лея, имел возможность вращаться в самых разных кругах. Мог, при необходимости, и на светском рауте за словом в карман не полезть, и шпане в тёмном переулке доступно объяснить, почему им лучше поскорее вернуться домой, к маме и папе.

– Дай угадаю, – предложил Джиан, – батя в Россию на заработки мотался?

– Без понятия, куда мотался мой батя, – вздохнул я. – Пусть это будет загадкой, ладно? Я же твой босс. Я должен тебя удивлять.

– Отлично получается, – хмыкнул Джиан.

В половине шестого он остановился на парковке рядом с вокзалом. Поезд должен был отправиться через час. Я уже присматривал открытую кафешку. Что может быть приятнее, чем посидеть перед дорогой с чашечкой чая, глядя, как зевают те, кто дорабатывают ночную смену.

– Когда ждать? – спросил Джиан.

– Позвоню. Про Кингжао помни.

– Нет, блин, забуду.

– Вот, когда огрызаешься – ты мне больше нравишься. – Я хлопнул Джиана по плечу на прощанье. – Оставайся таким. Поменьше душевных терзаний и прочего дерьма.

– Угу, как скажешь. Вернёшься – сломаю тебе ногу.

– Договорились.

Я вылез из машины, захлопнул дверь. Постоял немного, привыкая к холодному ветру. Поправил лямку сумки на плече и, сунув руки в карманы, двинулся к зданию вокзала.

Отыскав терминал, поднёс к сканеру экран смартфона. Сканер считал один QR-код, потом – второй. Я распечатал два билета. Полнейшая анонимность. Смешно, конечно... Глава клана Чжоу оплатил два билета класса люкс из Шужуаня. Угадайте, кто будет сидеть в купе? Впрочем, наивная предосторожность лучше, чем никакой предосторожности.

В здании вокзала работал только туалет. Я вышел на улицу, где видел бледно светящиеся вывески двух-трёх закусочных. К одной такой и устремился, но внимание привлёк громкий голос.

Обращались не ко мне, однако я замедлил шаг, а потом и вовсе остановился.

Посреди вокзальной площади стоял человек в чёрном кожаном плаще. Плащ был старый, потёртый, но явно не дешёвый. Да и в целом парень выглядел весьма колоритно. Он мог показаться бродягой, который только что отшагал путь километров в сто и вот-вот достанет гитару, чтобы заработать немного мелочи себе на ужин. Этаким романтический тип бомжа, воспетый множеством фильмов.

– Настали последние дни! – кричал «бродяга» хорошо поставленным голосом. – Узрите знамения, пока ещё не поздно. Дьявол уже здесь. Бог устал смотреть на ваши прегрешения и спустил с поводка дьявола! Клань, провозгласившие себя богами, погибают на руинах своих картонных крепостей. Деньги, на которые они возлагали столько надежд, ветер разнёс по Поднебесной. И это лишь начало. Очнитесь, люди! Проснитесь!

Я по широкой дуге обошёл этого оратора и посмотрел ему в лицо. Издалека, но с любопытством. Постарался запомнить. Интересно, этот кадр часто тут проповедует? А ещё интереснее, где он понабрался того, что несёт? Бог и Дьявол – персонажи другой религии. Другого мира. Этакого сектанта-юродивого я мог бы встретить в прошлой жизни. А здесь – очень странно... И ещё вопрос – где, собственно, полиция? Помнится, когда я тут попытался спасти женщину от вора, меня повязали в мгновение ока.

Вокруг бродяги начали собираться заинтересованные слушатели. В основном, конечно, с целью поржать, вряд ли кто-то из собравшихся понимал, о чём вообще речь. Воинствующего проповедника снимали на телефоны и ухмылялись. Парень, однако, обрадовался аудитории и повернулся к зрителям.

– Господь любит Шужуань, – сказал он. – И нас не коснулась пока карающая длань его. Господь дал нам всем шанс исправиться и победить дьявола, изгнать его, ибо дьявол – в Шужуане!

О, а вот и блюстители. Сразу двое. Не торопятся особо – ну и правильно, ситуация-то смешная и не больше. Как говорится, брехливая собака не кусает. Серьёзные неприятности обычно приносят граждане, которые предпочитают помалкивать. Однажды до кого-нибудь в правительстве это дойдёт, и издадут закон, запрещающий молчать в общественных местах дольше установленного минимума.

– Не будет нам жизни, пока дьявол бродит среди нас! – голосил бродяга. – Нет нам прощения, пока не изгоним мы его из душ и сердец своих, из городов своих...

– Ну-ну, парень, – перебил его шедший первым полицейский и положил ладонь на плечо. – Здесь дьявола нет. Давай-ка ты пойдёшь искать его в другом месте.

– Но он здесь! – возразил парень.

Второй полицейский занялся толпой из десятка таких же, как я, приехавших пораньше пассажиров. «Расходитесь, не на что тут смотреть...» Толпа – это всегда проблема. По толпе легко распространяется паника, свидетелей в толпе никогда нет. Не говоря уж о том, что толпы – рай для карманников и извращенцев, любящих поприжиматься.

– Два варианта, – услышал я голос первого полицейского. – Или уберёшься отсюда сам, или поедешь в участок. Как тебе больше нравится?

– И сотрудники полиции будут защищать дьявола, ибо они куплены им и проданы ему! – заорал бродяга, воздев руки к небу. – Но я убью дьявола, и мир на земле воцарится...

– Так, ну всё. – Полицейский потянулся не то за дубинкой, не то за наручниками. Этого никто уже не узнал.

Бродяга резко опустил руки. Я даже вздрогнул от такой невероятной скорости. А он обхватил голову полицейского и изящным движением повернул её. Щелчок долетел даже до меня. А толпа немедленно завопила в истерике. Люди бросились врассыпную. Молодая девушка упала, по ней пробежал парень. Кажется, они были вместе...

– Вот он, дьявол! Запомните лик его!

Мёртвый полицейский упал. А палец бродяги указывал прямо на меня.

– Твою мать, – вздохнул я. – Ну кто бы сомневался.

Глава 8. Возмездие

Ей богу, иногда возникает ощущение, будто я – главный герой какого-нибудь фильма или романа. Если где-то падает кирпич – он должен упасть на мою голову, если приземлится летающая тарелка, то инопланетяне прилетели за мной, если сумасшедший обдолбанный оборванец ищет дьявола – ну значит, дьяволом точно буду я.

Меня это ещё в детстве доставало. В школе то и дело таскали к директору, мать орала не переставая, потому что я числился среди хулиганов, которые постоянно дерутся. А что я, собственно, мог сделать, если любой придурок в плохом настроении кидался на меня? Однажды я, точно помню, стоял и мысленно молился: «Господи, ну пусть он докопается до кого-нибудь другого, нас же тут человек десять на детской площадке, а я только вчера вечером ремнём получил за драку!». Но нет, очередной отморозок целенаправленно шёл ко мне.

Мир вокруг стал другим, но принцип, на котором основано его вращение, ни капли не изменился. Я сбросил на асфальт сумку, мысленно поставил крест на посиделках в кафе перед дальней дорогой и мысленно же похвалил себя за то, что в очередной раз прибыл к месту назначения раньше необходимого. Пришёл бы в срок – сел бы спокойно на поезд. Но это ведь не путь героя, мать его.

– Стоять! – заорал второй полицейский, достав пистолет. – Ни с места!

Ощущение дежавю усилилось. Пистолет в руках стража порядка ходил ходуном.

– Он твоего напарника убил, – сказал я. – «Ни с места» закончилось секунд пять назад, сейчас уже можно стрелять на поражение.

Мой спокойный голос в этом безумии звучал так инородно, что полицейский, кажется, его вообще не воспринял. Так же он бы отнёсся к птичьему щебету. Он стоял в двух метрах от психопата, сверлящего меня взглядом и не опускающего палец. Слишком близко. Слишком...

За спиной бродяги я не увидел ни людей, ни автомобилей и решил рискнуть.

Длинная Рука

– Дьявол обладает силой, – усмехнулся бродяга.

Я сделал быстрый выпад рукой. Жёлтый луч, опережая движение, едва не ударил сумасшедшего в грудь, но тот в последний миг повернулся боком, оказавшись к полицейскому спиной.

– Великой силой! Но верующий в Господа обладает силой, неизмеримо большей!

«Стреляй же, твою мать! Стреляй или беги отсюда!» – мысленно орал я на полицейского.

Возможно, он услышал где-то в астрале отголоски моего безмолвного вопля. Возможно, он попытался нажать на спусковой крючок. Что-то же заставило бродягу резко развернуться, перехватить руку полицейского и сломать её пополам об колено.

Хруст и вопль полицейского я услышал, выстрел – нет. Рука обмякла, пистолет вывалился из неё на камни, которыми была вымощена площадь.

Я рванул из кобуры свой пистолет. Мгновение – и башка бродяги у меня на мушке. Но я промедлил мгновение, потому что в глубине души знал, что сейчас будет. И действительно – вместо лица бродяги появилось искаженное мукой лицо незадачливого стража порядка. Если бы я выстрелил – пуля попала бы в него, и потом я удолбался бы писать объяснительные и убеждать судей, что коп один хрен был считай что мёртв к этому моменту. Народная примета: пуля, выпущенная из оружия, принадлежащего гражданскому, в голову полицейского – к неприятностям.

– Сука, – процедил я сквозь зубы и убрал пистолет так же быстро, как достал.

Лучше уж дать волю техникам. Юридически силы избранных здесь до сих пор никак не зафиксированы, соответственно, притянуть меня за то, что я вдребезги разбил кому-то голову, находясь от него в десяти метрах, будет гораздо сложнее.

И всё-таки надо попытаться спасти хотя бы этого недотёпу. Пусть у меня точно не получится, но если я не попытаюсь – оправданий себе не найду.

Паук

Я взлетел на пяток метров над землёй и тут же отменил технику.

Длинная Рука

Бродяга вынужден был держать меня в поле зрения. И, несмотря на всю свою силу и скорость, прикрыться копом он не успевал. С рычанием оттолкнув его, он упал на спину и перекувырнулся через голову. Сурово. На таком-то рельефе. Надеюсь, ему было больно.

Крылья Ветра

Теперь я летел прямо на него, на поднимающегося на ноги бродягу. Прикрытия у него не было, а если я промахнусь – то всего лишь испорчу каменную кладку. Идеальный момент!

Я вновь выдернул из кобуры пистолет и, не целясь, выстрелил, зная, что пули пойдут, куда надо.

Стрелять в полёте мне пока ещё не доводилось. Положение было непривычным: я вытянулся в струну, как будто нырял с вышки, одновременно расстреливая бассейн.

Бродяга быстро оценил свои шансы. Уворачиваться от пуль ему в голову не пришло – всё-таки как-то умудрялся критически воспринимать свои возможности. Защититься было нечем – он ведь не избранный. Влево-вправо – не успеет, да и я легко поведу его на мушке.

Он выбрал интересный вариант. Поскольку ещё не успел полностью встать, преобразовал остаток движения в прыжок и взмыл вверх.

Я летел под углом к земле, и когда попытался проследить за ним, задрал голову, руки и понял, что амплитуды мне не хватит.

Выродок меня перехитрил! А я вот-вот разобьюсь о камни, частично раскрошенные моими же пулями.

Но, в отличие от «Паука», «Крылья Ветра» давали прекрасную возможность маневрировать. Небольшое ментальное усилие, которого не описать непосвящённому человеку, и я пронёсся в сантиметре над площадью, почувствовал, как полы расстёгнутой куртки чиркнули по камням.

Быстрый поворот вокруг оси. Плечом я зацепил каменную кладку. Больно, однако на функциональность эта боль не повлияла. Я поднял оружие...

А вот мой добрый друг-бродяга свой «полёт» не контролировал. Он подпрыгнул выше, чем обычный человек сумел бы. Может, ему даже позавидовал бы действующий чемпион мира по прыжкам в высоту. Однако всё, что он мог теперь, это – упасть. Я же, двигаясь перпендикулярно линии его падения, оказался сзади и получил просто великолепный обзор. Только полы кожаного плаща взмыли, немного сбивая с толку и напоминая женскую юбку.

Я пять раз нажал на спусковой крючок. Первая пуля прошла мимо – это я почувствовал. Вторая попала в спину бродяге – это ощущение тоже было конкретным, я знал это так же верно, как знал бы, попади пуля в меня. Третьего, четвёртого и пятого выстрелов не прозвучало. Вместо них – сухие шелчки. Звук, который гораздо страшнее выстрела, когда оружие держишь ты, и который прекраснее хора ангелов, когда его издаёт пистолет, нацеленный на тебя.

Ещё раз быстро изменил траекторию. «Крылья» привели меня в вертикальное положение, и я сразу же отменил технику. Подошвы кроссовок мягко коснулись каменной площади. Руки уже меняли обойму, глаза следили за противником.

Бродяга приземлился на обе ноги, чуть наклонился вперёд, но не упал. Я услышал хрипяще-свистящее дыхание. Он с трудом набрал воздуха в грудь. От его скорости и прыти не осталось и следа. Ко мне повернулся смертельно бледный человек. Умиравший, если не мёртвый.

– Поговорим? – предложил я, оттянув затвор до щелчка. – Или добить тебя?

– Дьявол! – Бродяга выплюнул сгусток крови себе на подбородок и закашлялся.

– Из-за тебя у меня теперь сорвётся поездка, ублюдок, – сказал я. – Если ты хотел мне напакостить – у тебя получилось. Но ты всё ещё можешь остаться в живых, если ответишь на мои вопросы. Кто тебя подослал?

– П... Подослал? – Бродяга выглядел удивлённым. Смертельно удивлённым. – Меня?! Я – оружие Господа! И твой лик явился мне во сне. Я долго шёл, следуя за звездой, и я прикончу тебя!

Он на полном серьёзе двинулся ко мне, едва волооча ноги. Я, подумав, убрал пистолет. Уж с этим-то разберусь голыми руками, хватит добавлять головняков криминалистам.

Бродяга искренне верил в ту чушь, которую порол. Значит, вот о чём говорила Дэйю. Они действительно не отдают себе отчёта в том, что кто-то где-то щёлкнул пальцами. Этот несчастный обдолбыш наверняка усиленно искал способа расширить сознание, зачитывался всякими Керуаками и прочим шлаком. Знавал я таких, по прежней жизни. Из всех торчков эти всегда были самыми безобидными – живут в лесу, молятся колесу, никому проблем не доставляют. До тех пор, пока малолетние дуры не приходят к ним в поисках романтики.

Наверняка раньше этот парень экспериментировал с ЛСД, но вот кто-то предложил ему чёрную таблетку. Новый препарат, дающий стопроцентную гарантию подключения к высшему разуму, без регистрации и эсэмэс. Увидел во сне моё лицо, а сейчас – увидел его в реале. Какие у него могут быть сомнения? Я бы и сам уверовал во что-нибудь этакое на его месте, если бы не знал точно, откуда растут ноги.

– Я – оружие! – простонал бродяга, из последних сил ковыляя ко мне. – Я – возмездие. Я...

Выстрел застал врасплох даже меня. Бродяга всплеснул руками, выкатил глаза и замер с раскрытым ртом. Потом рухнул мордой в землю. Вернее, в камни...

Я посмотрел на полицейского со сломанной рукой. Он лежал, сжимая пистолет в левой, явно непривычной к стрельбе.

– Парень, – слабым голосом сказал полицейский, – ты... ты как?

– Я? – Я даже оглянулся. Не верилось, что он обращается ко мне.

– Мне показалось, будто ты летал...

Полицейский явно бредил. Он терял сознание от боли, от шока. И всё-таки, несмотря на изначально проявленную бестолковость, оставался полицейским. Пытался защитить меня. Прилично одетого пацана – от невменяемого бродяги.

– Спасибо, – сказал я, проглотив комок в горле. – Я в порядке.

* * *

В порядке я был недолго. Буквально несколько секунд спустя меня повалили мордой в пол, забрали пистолет и надели наручники. Я не возражал. Знал, что этим закончится. Только поразился тому, до какой же степени вовремя появились эти brave ребята с автоматами. Такое ощущение, будто за углом ждали, пока закончится опасное.

Всё-таки многое зависит от точки зрения. Ходишь пешком – все водители козлы. Едешь на машине – все пешеходы дебилы. Служишь в полиции – люди уроды. Возглавляешь бандитский клан – менты козлы. И как ни крути, всегда приходится терпеть рядом каких-то сволочей. Закон жизни.

Телефон у меня, само собой, тоже отобрали, да если б и забыли – никому бы я не позвонил со скованными за спиной руками. А кому звонить? Юну, чтоб перебил билеты на завтра? Джиану, чтоб забрал меня из участка? Хотелось уже плюнуть на всё и потеряться где-нибудь в дебрях Шужуаня, чтобы никто никогда меня не нашёл.

Наручники были самые обыкновенные. Ну разумеется, никто ведь не шёл целенаправленно брать избранного, как в тот раз, с баркасом, когда операцию явно санкционировал Кианг. Я мог бы от этих наручников избавиться. Когда применяешь технику Длинной Руки, свечение охватывает кулак, начиная от запястья. И чутьё мне подсказывало, что это свечение легко и просто разорвёт стальные браслеты.

Но какой смысл? Добегу до вокзала, где меня примут уже с целым взводом? Или вернусь домой, где будет ждать засада?

– Знаете что? – сказал я вдруг, сам того не ожидая, сидящим напротив меня в покачивающемся кузове местным омовцам. – Достало меня всё. Хуже горькой редьки.

И, как будто эти слова были каким-то паролем, машина резко затормозила. «омовцы» переглянулись и подняли оружие. А я с вялым любопытством уставился на закрытую дверь. Кто меня будет убивать на этот раз?

Глава 9. Конвоир

Меня сопровождали трое «омоновцев». Великая честь для простого пацана, пусть даже и устроившего стрельбу на вокзале, и как минимум смешной конвой для избранного духом. В общем, ни то ни сё. Рассчитывать на то, что эти ребята чем-то помогут против тех, кто хочет меня убить, не приходилось. Хотя вели себя они, безусловно, профессионально, со мной даже ни разу не заговорили. Может, даже сначала будут стрелять, и только потом удивляться. Но, тем не менее, рассчитывать я смогу только на себя.

А я сижу в наручниках. Освободиться – раз плюнуть. Но если задёргаюсь – эти трое кинутся на меня. Разобраться с ними – тоже пара пустяков, конечно, однако они же не враги. Они, чёрт бы их побрал, коллеги, братья. Пусть даже так не считают.

– Достало всё, – шёпотом повторил я.

Жизнь – как шахматная игра. Кем-то жертвуешь, кого-то убиваешь. А в конце – все фигуры в одной коробке. Кроме, может быть, одной пешки, закатившейся под кровать. Её будут какое-то время искать, а потом махнут рукой и заменят пуговицей.

– Первый, как слышно? – Один из сопровождающих воспользовался рацией. – Что за остановка?

Рация неразборчиво кашлянула в ответ. Парни переглянулись, но чувствовалось, что напряжение спало. Вскоре машина вновь двинулась с места.

Если «омоновцы» сочли возможным расслабиться, то я себе такой роскоши позволить не мог. Потому что машина практически сразу развернулась, по ощущениям, на сто восемьдесят градусов, и поехала в обратном направлении.

Закрыв глаза, я вызвал в памяти ту отрывку, которая послышалась из рации, и стал вертеть её туда-сюда, пытаясь соотнести с какими-нибудь известными мне словами. Получалось нечто вроде «всё нормально», или подобное. Ну, по идее, это логично. Командир сказал, что всё нормально, и бойцы успокоились. Когда ты простой исполнитель, много думать – вредно, а порой даже опасно для жизни.

И тем не менее мы едем обратно. Возможно, конечно, разворот был не на сто восемьдесят. Окно далековато, сориентироваться не могу. Возможно, сейчас мы куда-нибудь свернём. Всё возможно.

По-хорошему, меня должны сейчас отвезти в отделение, где сначала для порядку бросят за решётку, потом будут долго и нудно допрашивать. Какие другие варианты может предложить мне моя выдумщица-судьба?

Кианг дёргает за какие-то свои ниточки, и меня везут к нему?

Пенгфей узнал, что меня повязали, и решил опять помочь соскочить без проволочек?

Первый вариант более правдоподобен. Субординация в мире стражей порядка – далеко не всё. Знакомства и связи играют огромную роль, и даже вышедший в отставку или серьёзно прошттрафившийся сотрудник зачастую может позвонить кому следует и попросить об одолжении. И вполне возможно, ему не откажут. Кианг же по официальной части никаких косяков за собой вроде бы не оставил. Пенгфей до сих пор раскапывает его чудодейства, и без моей помощи далеко не продвинется. Так что – да, вполне возможно, что сейчас меня будут убивать. И мы снова упираемся в старую проблему. Наручники. Омоновцы. Гипотетическая опасность.

Когда мы проехали в обратную сторону примерно столько же, сколько оттуда, машина остановилась, и на этот раз я расслышал шаги. Кто-то быстрым и уверенным шагом подошёл к дверям, открыл их. Мои конвоиры спокойно повернули головы, посмотрели на сурового мужика лет пятидесяти, со шрамом на щеке. Он был одет в чёрную форму без знаков различия.

– Задержанный – на выход, – сказал он.

– Сопровождать? – В голосе одного из омоновцев всё-таки слышалась растерянность.

– Тут ждать, – процедил мужик сквозь зубы.

Я встал, неспешно подошёл к выходу и огляделся. Да, мы вернулись на вокзал. Что, сразу перейдём к следственному эксперименту? Или Кианг принципиально хочет прикончить меня здесь? Может, площадь тут по какому-нибудь особому фэн-шую построена, чёрт её знает.

– Пошевеливайся! – прикрикнул мужик.

Я спрыгнул на землю. Он немедленно захлопнул за мной двери, закрыл задвижки. Потом я услышал звяканье ключей, и с меня сняли наручники.

– Пошёл.

Я пошёл. Куда идти – не спрашивал, двинулся к зданию вокзала. Сопровождающий шагал рядом со мной, молча. Задавать вопросы людям такого типа не было ни малейшего смысла. В лучшем случае промолчит, в худшем – ударит. Ну, попытается ударить. У меня-то теперь руки свободны. Зачем и почему – другой вопрос.

Место недавней битвы на площади уже было обозначено жёлтыми лентами, держащими на дорожных конусах – что нашли, к тому и прикрепили. Труп бродяги накрыли, полицейского не было – должно быть, увезли в больницу, как и упавшую девушку. И пока врачи чинят ему руку, кто-то его наверняка уже допрашивает. Больно уж любопытная хрень тут разыгралась, чтобы откладывать дело в долгий ящик.

Полицейских было полно, они оцепили место происшествия и не давали никому подойти близко, а в идеале – даже рассмотреть случившееся. От людей вечно прячут кровь и смерть. Наверное, в этом есть какой-нибудь смысл.

Мы прошли от всей этой суеты довольно далеко, так, чтобы не привлекать внимания. Вокзал – не то место, где люди задерживаются, и на меня уже никто не смотрел, не тыкал пальцем, не бледнел. Ну да, я немного помят, одежда не самая чистая. Однако я в поездку не во фраке собрался, а в повседневке, так что пыльность и помятость никому в глаза не бросались.

Я вдруг подумал, что ещё успеваю на поезд. Чего мне стоит – взять сейчас, вырубить этого молчаливого хрена одним ударом и – бежать? Правда, телефона нет. Однако цифровую комбинацию я помню, могу назвать её кассиру и получить распечатку с кодом для предъявления при посадке. Ни имени, ни фамилии там нет, пока кто-то что-то сообразит, поезд уже покинет город, а там – и провинцию. Дальше же отследить мои перемещения они просто не сумеют. Пусть кланы сейчас переживают не лучшие времена, однако пройдут годы и годы, прежде чем Шужуань научится вытягивать щупальца в такую даль.

Вариант вполне жизнеспособный, если я хочу отрезать себе возможность вернуться. Махнуть рукой на Кингжао, Ниу. На всех пацанов, свой так называемый шестой клан...

– Входи, – велел конвоир.

– Да что происходит? – не выдержал я.

– Шевелись. – Он чувствительно толкнул меня в плечо.

Стиснув зубы, я поднялся по ступенькам. Стеклопакеты вокзала услужливо раздвинулись. Зачем? Какого чёрта? Ну, допустим, какой-то пункт полиции может или даже должен быть на вокзале. Но вести туда участника перестрелки?! Что, остальные полицейские отделения города перегружены?

– Ты стал доставлять слишком много проблем, Лей Ченг, – проявил чудеса красноречия мой конвоир. – Тебя решили депортировать.

– Депор... Чего?

– Вперёд.

Я, мысленно матерясь, миновал турникет, и мы вышли к перронам.

– Вперёд, – повторил конвоир. – Башкой не вертеть.

Я наудачу выбрал перрон, с которого должен был отходить мой поезд. Возражений не последовало.

– Это ситуация из разряда «не бросай меня в тот терновый куст», – сказал я. – Я ведь сам собирался уезжать на этом поезде.

– Знаю.

– Так в чём прикол? Извините, я давно ушёл из «органов», и некоторые новые шутки до меня могут не сразу доходить.

– Я прослежу, чтобы ты точно убрался из Шужуаня. И даже не пытайся использовать против меня эти свои избранные штучки. Не дай бог тебе узнать, с кем имеешь дело.

От этих слов холодок пробежал по коже.

Кианг?

Не буду врать себе, он может выглядеть как угодно.

В прошлый раз его капкан щёлкнул неудачно, едва не поймав его самого. В этот раз ситуация, если разобраться, похожа. Я еду в гости к избранному, который мог собрать вокруг себя весь необходимый зоопарк. А краеугольный камень – Жёлтый дракон – приедет вместе со мной.

Ладно. Спокойно. Останусь с ним наедине – и как следует пощупаю, из чего он скроен. «Не пытайся использовать избранные штучки», да? Я и не буду пытаться, я – использую. И погляжу, чем ты ответишь. Если ты и в самом деле Кианг, то поезду, конечно, конец, и всех пассажиров мне очень жаль, но других вариантов не будет. Может, мне и стало плевать на всё, может, я отчасти и перестал содрогаться при мысли о грандиозных планах своего бывшего начальника... Но если он сам припёрся ко мне в руки – тут уж не до самокопаний. Как говорится, диета – это диета, но торт со скидкой девяносто процентов – это торт со скидкой девяносто процентов.

У вагона, в котором я должен был ехать, стояли двое проверяющих. Увидев моего конвоира, они как-то сразу подобрались, выпрямились едва ли не по стойке смирно. Наверняка у каждого мелькнула пара-тройка панических воспоминаний о неправильном переходе улицы и двусмысленном посте в соцсети.

– Пошёл!

Получив толчок в спину, я заскочил в вагон и повернулся. Проверяющие изучали документы моего конвоира, он им что-то говорил. Почувствовав мой взгляд, чуть повернул голову и рывкнул:

– Влево! Купе номер восемь. Сидеть смирно, ждать меня.

Номер моего купе. Вот тебе и вся анонимность. Изначально, конечно, было ясно, что эта предосторожность – курам на смех... Ладно. Подожду.

Я прошёл в купе, уселся там, посмотрел в окно. Часов у меня не было, сколько времени я не знал, однако по ощущениям уже вот-вот должны были тронуться. Я еду к Юну, как и собирался. Сумка пропала, я про неё вообще только сейчас вспомнил. Документов нет, телефона нет, пистолет изъяли, деньги и банковские карты – тоже. Зато есть дух Жёлтого дракона и меч, который я могу призвать в любой момент. Далеко не самый худший расклад. По крайней мере, я еду в поезде, а не лежу на его крыше с проломленной башкой, переломанными костями, пулевым ранением и терминальной дозой наркоты в кровеносной системе. Всё познаётся в сравнении.

Поезд тронулся, и одновременно с этим открылась дверь купе. Мой мрачный сопровождающий вошёл, закрыл дверь и уселся напротив. Уставился мне в глаза. Я спокойно выдержал взгляд.

– Ну и что это за цирк? – спросил я. – Что за такая внезапная «депортация»?

– Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы, – процедил конвоир сквозь зубы.

– Да ну? А в каком же я положении, позвольте узнать? Мне до смерти хочется выяснить все нюансы.

Говоря, я пожирал взглядом его лицо, сканировал мимику. Кузнецов, потом – тульпа в морозильной камере, потом – Фанг. Что-то неуловимо общее было у всех троих, и я сейчас пытался найти то же в лице этого... Этого.

– В данный момент официально ты – пассажир поезда Х-358М.

– А неофициально?

– Неофициально ты – заноза в заднице, от которой Шужуань, наконец, избавлен.

– Я ведь вернусь, вы это понимаете.

– О, не будь так уверен. Там, куда ты едешь, полным-полно таких же прытких ребят, как твой друг с вокзальной площади. Они будут рады с тобой пообщаться.

– А, – усмехнулся я. – Всё так наивно? Вы думаете, будто везёте меня на убой? Разочарую: я не погибаю. Никогда. Это не в моих правилах. И если я сказал, что вернусь – значит, вернусь.

Поезд набрал скорость, я повысил голос:

– Оставим этот скучный разговор. Там, на перроне, ты сказал, что не дай бог мне узнать, кто ты такой. Предположим, что бог всё же не дал, и я хочу это выяснить. – Я призвал меч, рукоятка легла в ладонь, как родная. – Покажешь свою истинную сущность, или мне просто прирезать тебя?

– Лей, ты что, хочешь драться? – Он скептически приподнял одну бровь.

– Не очень. Но предпочту ехать с трупом, чем с хрен пойми кем.

– Может быть, лучше займёмся любовью?

Я вздрогнул, моргнул. Если и был у этого полудурка идеальный момент для атаки, то он его прощёлкал.

– Ты что несёшь, debil?

– А что? Ты занимаешься сексом в поездах только с проводниками? Я могу попросить форму...

Я встал.

– С чувством юмора у тебя хреново, дядя. Лучше бы даже не начинал пытаться.

Он, однако, так не считал. Мужик буквально давился от смеха. Наклонился вперёд, уронив лицо в ладони, затрясся. И его волосы вдруг изменили цвет. Стали ярко-красными и даже отросли. У меня отвисла челюсть.

– Ты... Ты бы видел своё лицо! – сквозь смех простонала Дэйю, выпрямившись. – Святые духи, я никогда в жизни так не веселилась!

Я едва не выронил меч.

– Дэйю?! Ты... – Я вспомнил странную заминку в пути, разворот машины, запертых «омоновцев» и мысленно сам взвыл от смеха. – Твою мать, Дэйю!

Глава 10. Военное положение

Впоследствии, по здравом размышлении, смешного оказалось маловато. Это ж не кино, где после удачного побега по экрану скользят титры. Побег есть побег. Да ещё и при таких обстоятельствах...

– А оригинального дядьку ты убила? – спросил я.

– Нет, устранять человека, облик которого принимаешь, вовсе не обязательно, – возразила Дэйю. – Он остался в кабине автозака. Наверное, уже очнулся.

Она почему-то хихикнула. Если бы не отсутствие характерного «запаха», я бы подумал, что она под чем-то. Такого неадекватного веселья от Дэйю ещё ни разу не наблюдал. Может, всё потому, что мы едем к Юну? У влюблённых вечно крышу рвёт, ведут себя, мягко скажем, неадекватно. А если влюбляется избранная духом убийца, у которой вместо детства была залитая кровью помойная яма, там можно вообще чего угодно ожидать.

– Кстати, да, – спохватилась Дэйю. – Вот, заberi.

Из карманов она выложила мой телефон, бумажник и портмоне с документами. Потом сняла с себя мой ремень с кобурой и пистолетом.

– Сумку только не взяла, не знаю, где она, – посетовала Дэйю. – В целом, считай, легко отделался.

Сверху на портмоне легли распечатанные мною билеты – которые, видимо, Дэйю и показывала проверяющим на входе.

Поезд уже выехал из города и набрал солидную скорость. Остановить, конечно, ещё могут, но я что-то сомневаюсь. Полиция – не самая расторопная структура, когда речь не идёт о чём-то, выходящем из ряда вон. В нашем случае погиб один бомж, который перед этим убил полицейского. Другой полицейский, которому бомж сломал руку, подтвердит, что я – скорее герой, чем злодей. Дэйю при побеге никого не убила. Так что на молниеносную реакцию правоохранительной системы можно не рассчитывать.

– Всё равно не надо было этого делать, – сказал я, пряча барахло по карманам.

– Не надо было вытаскивать тебя? – удивилась Дэйю.

– Ничего бы со мной не случилось. Ну задержались бы на денёк, ничего страшного.

– Ты сказал, что нам нужно уехать на первом поезде.

Мы посмотрели друг другу в глаза, будто из разных миров. Мысленно я сделал себе насчёт Дэйю пометку. Она жила совершенно иначе, нежели другие люди, и даже от меня сильно отличалась. Полиция, кланы, уличная шпана, организованная преступность, поезда, космические корабли, внеземные цивилизации – для неё всё это было незначительной фоновой активностью. Иногда её можно было использовать, иногда приходилось с ней разбираться при помощи силы, вот и всё. Будут последствия со стороны полиции Шужуаня – значит, будем разбираться с этими последствиями. Но соблюдать закон только потому, что закону так хочется – глупость какая, мы же на поезд опаздываем.

– Ну да, сказал, – поморщился я. – Ладно, проехали.

Несколько секунд Дэйю молча смотрела на моё лицо, потом вдруг выдала:

– Я позвонила твоему новому другу и объяснила ситуацию. Он постарается всё уладить.

– Другу? – удивился я. – Ты про Пенгфея?

– Да. Я выяснила про него всё, что могла. Кажется, ему можно доверять.

– Слушай, ты меня пугаешь. Ты что, за каждым моим шагом следишь?

– Практически. Мы ведь друзья. Кажется.

– По-твоему, вот так выглядит дружба? Слежка, внезапные исчезновения...

– Наверное.

Я вымучил улыбку. В области обычных человеческих отношений Дэйю была инопланетянином. Её представления о дружбе не слишком отличались от логики кошки, которая приносит дохлую мышь в постель хозяину, в святой уверенности, что её похвалят.

– Спасибо, – сказал я, и Дэйю неуверенно кивнула в ответ.

Впрочем, долго грузиться над проблемами, которые не пытались убить её или её друзей, она не умела, и меньше через минуту уже улыбалась, глядя в окно.

– А проводники не рехнутся, увидев, что вместо сурового мужика со мной едешь ты? – спросил я.

– Нет. Те, которые проверяли билеты, остаются на вокзале. Здешних предупредили, но они, скорее всего, подумают, что кто-то что-то перепутал. В любом случае их удивление не помешает нам добраться до места.

– Это точно...

– Мне нужно поспать. Я порядочно вымоталась, так долго удерживая чужую личину.

– Ложись, если что – граница на замке.

– Что?

– Да ничего, забей. Спи.

Дэйю улеглась на диване и вырубилась практически мгновенно. Я достал телефон, посмотрел на экран. Нет сети... Жаль. Позвонил бы Пенгфею, спросил... Хотя как я ему позвоню, спрашивается, если он не давал мне своего номера телефона? Блин... Я с новым удивлением посмотрел на спящую Дэйю. Да уж, «если б у меня такой кот был, я, может, и не женился бы никогда». Серьёзно, девчонка запросто могла заменить целое отделение полиции. И это я, похоже, не исследовал даже половины её талантов.

Позвонить Кингжао тоже было бы не лишним – предупредить, что, вполне возможно, придут «гости» и перевернут дом вверх дном. Впрочем, она и так всегда готова к подобному. Привыкла уже, что сынок у неё занимается загадочными вещами, за которыми иногда следуют загадочные последствия.

Всё равно сети нет, и до прибытия на ближайшую станцию не появится. Ладно, чёрт с ним со всем. Я убрал телефон обратно в карман и закрыл лицо ладонями, полюбовался тьмой, в которой танцевал свой бесконечный танец жёлтый дракон.

Забуть Шужуань. Прошлое – в прошлом. Сейчас – Юн, Чжоу, революция в кланах. Другой мир. Чтобы выжить в нём, нужно войти в него полностью. Нельзя стоять одной ногой в прошлом, а другой – в будущем. Будущее может рвануть вперёд с такой яростью, что тебя просто разорвёт пополам.

* * *

Когда поезд проезжал через земли Хуа, началось интересное. Дэйю спала, будить её я не стал, сам смотрел в окно, запоминая детали.

Кругом были военные. Гражданских я практически не замечал, все мелькавшие в окне люди были в военной форме. Также практически исчезли обыкновенные машины. Их заменили армейские джипы и более серьёзная техника. Бронетранспортёры. Пару раз я даже заметил танки.

Над городом то тут, то там поднимались дымки. Беспорядки продолжались. Кажется, я видел трупы, которые никто не торопился убирать с улиц. Может, рук не хватало, а может, оставляли в назидание. Глупо, если так. Уже должны бы сообразить, что имеют дело не со здравомыслящими людьми, а с зомби. Хотя с другой стороны, зомби – отдельно, а обычные люди, у которых накопело, и они под шумок тоже вышли на улицы – отдельно. Эти, обычные, никогда и не узнают о том, что во всём этом бедламе как-то были замешаны таблетки Кианга.

В лучшем случае посмеются, как над очередной теорией заговора. Что ж, иногда реальность всерьёз соревнуется с фантазией и даже побеждает.

Вокзал просто кишел солдатами. Они ходили с собаками по перронам, автоматы держали в руках – готовность номер один, сначала стрелять, потом разбираться. Я увидел вдалеке, у стены здания вокзала, два десятка гражданских, поставленных на колени. Их охраняли двое солдат. Любопытно, кто здесь кто. Военную форму Хуа от правительственной я не отличу. Однако ещё Фанг, во время второй встречи, рассказывал мне, что армия, по сути, принадлежит кланам.

Поезд остановился, и солдаты потянулись внутрь. Я видел, как из дверей буквально вышвырнули пассажиров, которые и без того собирались сойти. Их погнали к той же стене, поставили на колени. Женщин, детей – всех без разбора. Я покачал головой. Да уж. Когда начинается – начинается жёстко.

Дэйю спала. Я накрыл её пледом как раз в тот миг, как в дверь требовательно постучали. Ждать ответа не стали, тут же открыли. В купе втиснулись двое солдат, третий остался в коридоре.

– Документы, – приказал главный.

Я молча протянул ему документы. Он едва взглянул на них, важен был сам факт того, что они у меня есть.

– Из Шужуаня?

– Так точно.

Мужику явно понравился ответ. Наверное, уже успели осточертеть неженки, поднимающие визг: «По какому праву? Я буду жаловаться!» – и так далее.

– Куда направляетесь?

Внизу что-то зашевелилось, я опустил взгляд. Между двумя солдатами протиснулась собака. Она тщательно обнюхала спящую Дэйю, потом потянула воздух в районе моего паха. Н-да, напряжённая ситуация.

– В Дайчжоу, – назвал я конечный пункт своего путешествия.

– Цель поездки?

– Деловой визит.

– Вы знаете, что сейчас происходит в Дайчжоу?

– Наслышан.

Пока я переговаривался с одним солдатом, второй быстро и технично осмотрел купе. Багажа у нас с Дэйю не было, потому и осмотр ничего не дал. Пистолет был у меня под курткой, а обыскивать меня не стали.

– Чисто, – тихо сказал солдат.

Мой собеседник едва заметно кивнул и перевёл взгляд на Дэйю.

– Это кто?

– Эскорт, – ухмыльнулся я.

Тон и слово выбрал верно. В обществе имелось стойкое предубеждение против крашенных волос. Если бы Дэйю изображала благородную даму, проверки документов ей не избежать, а так солдат лишь покривил губы и отвернулся.

– Дальше, – скомандовал своим. – Счастливого пути, господин Ченг.

Наверное, дисциплина у солдат Хуа была на высоте. А может, в разворошённом муравейнике города и без всяких красноволосых шужуанек хватало, с кем позабавиться.

Закрыв дверь за солдатами, я выдохнул. Пронесло... Если бы обыскали и нашли пушку – пришлось бы отдыхать здесь. И довольно быстро нашёлся бы человек, который, посмотрев на мои документы, сказал бы: «Постойте-ка. Лей Ченг?!». А у главы клана Хуа наверняка есть в запасе много добрых слов для меня. И когда их сказать, если не сейчас, когда мир трещит по швам.

Но солдаты искали не меня, не избранных, не вооружённых. Они искали обдолбанных и провозящих таблетки. Обдолбанные, скорее всего, сами на них кидались и ловили пулю, а наркоту в багаже находили собаки.

Поезд простоял на станции почти час. Заходила проводница, извинялась за задержку и принесла обед. С любопытством посмотрела на спящую Дэйю, но ничего не сказала.

Наконец тронулись. Вскоре после того, как владения Хуа остались позади, Дэйю резко поднялась, зевнула и уставилась на меня. Я как раз гонял палочками последние рисинки в своём судке.

– Что я пропустила?

– Обед. – Я подвинул к ней её порцию. – А в остальном – ничего интересного. Хуа стоят на ухах, город на военном положении. Думаю, что и у Чжоу не лучше.

– Ясно. – Дэйю распаковала палочки и принялась за еду.

* * *

Я как в воду глядел. Когда поезд наконец прибыл на хорошо знакомый мне вокзал города Дайчжоу, там была ровно та же картина, что и у Хуа.

– Пойдём, – сказал я, поднимаясь. – Хотя... Может, тебе лучше исчезнуть?

– Может, и лучше, – пожала плечами Дэйю. – Буду рядом.

И исчезла. Идеальная девушка, просто по-доброму завидую Юну.

Я подошёл к двери. Как только она открылась – увидел каменные лица солдат. Поднял руки.

– На выход! – рявкнул чрезмерно старательный лейтенант и, схватив меня за плечо, вышвырнул из поезда.

Я не упал, чего ему, наверное, хотелось. Сделал несколько шагов и остановился, держа руки поднятыми. Бодаться со всей этой армией – точно не вариант, тут максимум что можно сделать – Последнее Дыхание, но никакой необходимости нет.

– На колени! – рявкнул над ухом другой голос.

Я послушно опустился. А вот пожилого гражданина, которого вышвырнули из поезда вслед за мной, опустили при помощи приклада. Он сразу перестал сыпать угрозами и побледнел. Я сцепил руки за головой. Меня начали обыскивать.

– Пистолет в кобуре, справа, – сказал я. – Личное оружие, есть разрешение, выдано кланом Чжоу.

Пистолет вытащили. Документы тоже. Судя по тишине, санкция клана Чжоу на ношение оружия произвела впечатление.

– Смотри...

– Ага...

– Где этот?..

Переговаривались негромко, я слышал обрывки. Потом кто-то заорал:

– Эй, парни! Ваш клиент!

Ко мне приблизились двое. Эти не из армии, ну или какие-то спецслужбы. Форма не такая, как у других, знаков различия нет. Остановились поодаль.

– Лей Ченг? – спросил один.

– Я.

– Поднимитесь с колен. Верните ему всё, что забрали.

– И оружие?

– Я сказал всё. С ним должна была быть девушка.

– Он вышел один.

– Ты думаешь, я с тобой буду долго разговаривать, лейтенант? Я вообще не буду с тобой разговаривать.

– Да не было никакой девушки!

Встречающие потянулись за оружием. У них были пистолеты. И что-то мне подсказывало, что все эти вооружённые автоматами вояки будут смиренно стоять и ждать, пока их не перестреляют.

– Дэйю, – позвал я. – Явись.

Дэйю нарисовалась слева от меня, вызвав сдержанную ругань стоявших позади солдат. Двое, встречающие нас, расслабились.

– Теперь всё в порядке. Следуйте за нами, мы сопроводим вас.

– Сопроводите куда? – спросил я, в который уже раз за сегодняшний день водворяя пистолет на его законное место.

– А куда вы ехали?

– Ясно...

Я посмотрел на Дэйю и пожал плечами:

– Идём.

Глава 11. Тёплая встреча

Нас с Дэйю усадили в армейский джип с тонированными стёклами. На заднее сиденье обоих, разумеется. Один из непонятных типов, что нас встречали, уселся за руль, другой – рядом с ним.

– Ну и денёк, – сказал тот, что за рулём, запуская движок. – Я – Ганг, а это – Хенг. Вас мы уже вроде как знаем.

Ганг обернулся и посмотрел в заднее стекло, выводя автомобиль с парковки.

– Насколько всё плохо? – спросил я, хотя сам уже видел – плохо. Просто так, от скуки, город бы не поставили в такое положение.

– Сами понимаете, мы тут не для того, чтобы болтать, и за болтовню нас не похвалят. Я знаю, кто вы, и стараюсь разговаривать вежливо. Прошу прощения за то, что вас так встретили.

– Да никаких проблем, всё понимаем.

– Мне интересно, – вклинилась вдруг в разговор Дэйю. – А кто я?

– Прошу прощения?

Ганг закончил маневр с задним ходом и, прежде чем отвернуться, скользнул взглядом по Дэйю.

– Вы сказали: «я знаю, кто вы». Так кто же я?

Ганг промолчал, подъезжая к КПП. С территории вокзала сегодня просто так не выпускали даже армейские джипы, нужно было показать пропуск. Ответил Хенг:

– Согласно нашим инструкциям, на поезде должен был приехать Лей Ченг, избранный духом, близкий друг господина Юна Чжоу, в сопровождении девушки, которая тоже избрана духом. Это всё, что мы знаем.

– И вам было сказано перестрелять всех солдат, если меня вдруг не окажется?

Ганг протянул в окно пропуск, солдат проверил его и вернул. Однако услышав последние слова Дэйю, вдруг наклонился и нашёл её взглядом.

– Какие-то проблемы? – спросил Ганг.

– Никаких. – Солдат выпрямился. – Счастливого пути!

– Угу, – буркнул Ганг, закрывая окно. Он проехал под неспешно поднимающимся шлагбаумом и ответил на вопрос Дэйю: – Нет, нам просто приказали доставить вас обоих. Однако мы не первый день живём на свете и знаем, что есть приказы, которые нужно выполнять именно так, как их формулируют. Нам с Хенгом не нужны неприятности.

Дэйю кивнула, как будто ответ её полностью удовлетворил, потом составила из пальцев комбинацию, которую я видел уже дважды – Шёпот Травы – и повернулась ко мне.

– Мне это не нравится, – без обиняков заявила она.

– Что конкретно? – спросил я. – Военное положение, всё строго, всех раком...

– Что?

– Ничего...

– Слишком много внимания к моей скромной персоне. Здесь ждут тебя, а не меня.

– Может, господин Юн просто очень хочет тебя увидеть?

– Приказ этим двоим точно отдал не господин Юн, – отчеканила Дэйю. – Они даже близко не его уровень. А для того, чтобы они так сильно заботились обо мне, приказ должен быть сконцентрирован именно на мне.

– Хм, – задумался я. – А ведь ты права. Юн не мог точно знать, что ты приедешь.

– Вот именно.

– Но он мог надеяться. И всё-таки сказать, что встретить нужно двоих. И ребята решили перестраховаться...

– Вспомни их поведение. Они точно знали, что нас двое. Они вели себя так, будто плохие солдаты могли утащить меня в тёмный-тёмный уголок для тёмных-тёмных делишек. До тех пор всё было ровно и правильно. Однако когда мы сели в машину, они сказали, что в курсе насчёт нашей избранности. Нашей, Лей. Твоей и моей. Предположим, о тебе уже сложно кому-то не знать, но я свечусь крайне мало. И сильно сомневаюсь, что господин Юн до такой степени беспечен, чтобы разбрасываться информацией такого рода. А кроме того, если они знали, что мы оба избранные и можем за себя постоять, тогда для кого был тот спектакль на вокзале?

– Получается, для нас, – медленно сказал я, переводя взгляд с одного затылка на другой. – Чтобы мы им доверились.

Разговор техника Дэйю глушила. Взгляд же оставался взглядом, и я заставил себя отвернуться, посмотрел в окно. Всё напоминало видеоряд фильма про зомби, только без зомби. Пустые улицы, пустые дороги. Пустые окна – должно быть, гражданам рекомендовали не высываться. Не перестреляли же их всех, в самом-то деле. И кругом – военные и полиция.

Ганг повернул руль вправо, мы заехали в узкий переулок, едва пара машин разъедется.

– Хочешь проверку? – спросила Дэйю.

– Ну разве что посмеяться, – улыбнулся я. – Отключи свою технику, не трать силы.

– Она не много забирает, но если ты настаиваешь...

Дэйю щёлкнула пальцами, показывая, что техника отрублена.

– А можно остановиться перекусить? – спросил я. – Там вроде была какая-то забегаловка.

– Всё закрыто. – Ганг нажал на педаль чуть сильнее, машину дёрнуло. – Мы уже почти приехали.

– Братан, мне в туалет надо, – сменил стратегию я. – Пара минут.

Джип поехал ещё быстрее. Мы с Дэйю переглянулись, а потом я посмотрел вперёд, между Гангом и Хенгом. Там переулок заканчивался, на мой взгляд, тупиком в виде глухой кирпичной стены. Однако Ганг гнал так, будто надеялся попасть на платформу девять и три четверти.

– Деньги или страх? – спросил я.

– Что? – повернулся ко мне Хенг. Ганг был слишком занят – он собирался протаранить стену.

– Ну наркотой от вас не пахнет, следовательно, вы не «зомби». Значит, легли под Кианга из каких-то других соображений. Как правило, варианта бывает два: либо он вам пообещал что-то хорошее, либо пригрозил чем-то плохим. Деньги или страх?

Джип остановился так резко, что все подались вперёд. До стены не доехали метров двадцать.

– Не понимаю, о чём вы, – безжизненным голосом сказал Ганг.

Он заглушил мотор и вытащил ключ из зажигания. Оба – Ганг и Хенг – одновременно открыли двери и вышли. Я подёргал свою – заблокирована.

– Ну уж на хрен, – процедил я сквозь зубы. – Нельзя тут оставаться.

Шансов на то, что машину взорвут, было немного – всё-таки оба этих неразговорчивых кадра стояли рядом, крутя головами. Однако шансы были. Я сжал кулак, намереваясь выбить дверь Длинной Рукой, но раньше услышал грохот – Дэйю опередила меня, вынеся дверь со своей стороны.

Наверное, первый выстрел заглушило именно этим грохотом, и я не сразу понял, с чего это вдруг Ганг покачнулся и начал падать. Зато второй выстрел – глухой хлопок – был слышен очень хорошо. И когда Хенг упал на капот джипа, глядя меркнущими глазами на меня, я понял, что никогда уже не узнаю, какими правдами и неправдами этих двоих заставили везти нас именно в этот тупик. Видимо, их взяли и в кратчайшие сроки обработали, нашли серьёзные рычаги давления, чтобы те решились пойти против хозяев – Чжоу. Времени не было, поэтому сработали быстро и неаккуратно. По итогу эти двое оказались опасными свидетелями – если бы ушли сейчас, то могли бы навести Чжоу на тех, кто сейчас будет пытаться убить меня и Дэйю.

Использовать их вдолгую рычаг не позволял, и вопрос решили просто: исполнителей, сделавших своё дело, устранили. Всё это пронеслось у меня в голове за секунду. В следующую я бросил Дэйю:

– Снайперы!

Повернулся к ней, успел увидеть лишь красный всплеск волос – и Дэйю исчезла.

Нужно было выбирать. Нужно было уходить как можно дальше от машины, потому что если у наших врагов есть хоть капля мозгов, они...

Эта капля у них была. В зеркале внутри салона я увидел, как в воздухе появилось нечто, в количестве трёх штук. Опознанные летающие объекты. Старые добрые знакомые дроны, которые использовались на турнире для обеспечения видеотрансляции. Только теперь они явно выполняли другую функцию.

Три дрона рванули к машине.

Длинная Рука

Дверь вынесло, она ударила в стену дома. Пули застучали по асфальту передо мной, и я перекатился через голову по сиденью, выскочил со стороны Дэйю.

Зеркало Зла

Стрельба прекратилась. Опять. Они видят мои техники и не станут попусту гробить себя своими же пулями. Однако дроны долетят сюда за секунду. От взрыва мне сможет помочь только Великая Стена, и то лишь в одном случае – если я окажусь лицом к взрыву, а не в его центре.

Не отменяя технику, я бросился бежать навстречу дронам. Невидимые операторы, судя по всему, к такому повороту были готовы. Дроны, до сих пор летевшие, выстроившись в ряд, разделились. Один, набрав скорость, продолжил путь к джипу, другой нырнул. Просчитав его траекторию, я понял, что он разорвётся у меня под ногами.

Третий ушёл было в сторону, но вдруг взорвался прямо в воздухе. Я сбился с шага, прикрыл глаза от осколков, но успел заметить, как Дэйю на миг мелькнула, с обнажённым мечом, и вновь исчезла. Должно быть, сама не ожидала, что дрон взорвётся, если его разрубить.

Второй раз рвануло сзади. Я прыгнул вперёд и в сторону, отменил бесполезное Зеркало Зла и выставил Великую Стену.

Когда я упал на асфальт, то, в нарушение всех рекомендаций по поведению в таких ситуациях, перевернулся на спину. Руку держал перед собой. Бледно-жёлтая, почти невидимая Великая Стена предохраняла меня от летящих обломков. От неё отскочило горящее колесо, об неё погнулся бампер.

– Я в домике, – прошептал я и, пользуясь моментом, просканировал взглядом дома слева и справа. Оттуда стреляли. Однако никаких стрелков я не видел. Окна были раскрыты – все, до единого. Каждое из них могло таить в себе смерть. А может, и таило.

– Неплохо, тварь! – прозвучал чей-то голос. – Неплохо – для начала!

Голос я не узнал. Если и слышал раньше, то успешно забыл. Однако ненависть, которая переполняла его, меня не удивила. Я уже привык, что меня хотят прикончить те, кого я вообще не знаю, те, кто меня ни разу не видел.

Кто-то выпрыгнул из окна второго этажа. Быстро, технично, с кувырком в воздухе. Однако что-то пошло не так, и на середине полёта человек, которого я даже разглядеть не успел, развалился на две части.

И вновь я увидел Дэйю с мечом. На этот раз она не исчезла – похоже, допустимый баланс был достигнут, и дальше уже не имело смысла тратить энергию на маскировку. Нужно было убивать.

Обе половинки, ещё дёргающиеся, упали на асфальт. Дэйю обстреляли. Она, будто танцующая, несколько раз переступила, исполнила красивый пируэт, и словно балерина перепрыгнула с одной стороны переулочка на другую.

Так, ну и мне хватит прятаться. Я заметил как минимум два ствола в соседних окнах на четвёртом этаже, хотя, кажется, стреляли ещё и из дома напротив.

Паук

Я взмыл в воздух, остановился на уровне четвёртого этажа. Выхватил пистолет и загнал пулю между двух изумлённых глаз. Парень «ушёл» в комнату, винтовка полетела вниз, на тротуар.

Второй снайпер успел сообразить, что к чему, и бросился на пол, под защиту стены. Я пальнул по винтовке, куда-то попал, она проехала по подоконнику и рухнула – наверное, на хозяина.

Ощущение вакуумной пустоты сзади. Я повернулся, но ощущение сделалось паническим. Понял, что не успеваю...

Зеркало Зла

На этот раз не успел сориентироваться третий снайпер. Пуля, которая должна была пробить мне голову, разнесла череп ему.

Обе техники отключились одновременно. Я полетел вниз, с высоты четвёртого этажа.

Крылья Ветра

Я успел ощутить, как крылья подхватили меня и замедлили падение. Этажа до второго спустился плавно, а потом кто-то рухнул на меня сверху.

– А как тебе это?! – Голос был тот же, что прежде. А его обладатель сидел у меня на спине в воздухе.

Техника дала сбой, я начал продвигаться вниз рывками. А когда на горло мне легла удавка, Крылья и вовсе исчезли.

В горло врезался металл. Струна – от гитары, скорее всего. Орудие убийства, которое можно приобретать без лицензии.

Зеркало з...

Я плашмя рухнул на асфальт, а сверху – мой пассажир. Он только рассмеялся, а из меня весь дух вышибло.

Но хотя бы давление на горло снизилось. Я, игнорируя ощущение, согласно которому все мои внутренние органы взбились в коктейль, уперся руками в землю и оттолкнулся. Удалось перевернуться на бок. Затылком ударил урода в лицо. Ещё мгновенное послабление...

Дэйю! Где она, чёрт бы её побрал? Опять смотрит со стороны, гадая, не размяк ли я сверх всякой меры?! Хотя нет... Откуда-то слышны ещё выстрелы, звуки драки – удары, и то, как сталь вгрызается в плоть, крики. Откуда? Здесь же только что никого не было, а теперь что – весь город сорвался нас убивать?

Ещё одним сверхусилием я перевернулся на спину и замер, позабыв про боль. Надо мной, скалясь в безумной улыбке, стоял Юшенг.

– Ты? – прохрипел я.

– Рад встрече! – воскликнул блондин. – А ты, смотрю, и без меня не скучаешь, способный мальчик?

В его руке появился меч. В следующий миг меч рванул ко мне. Я не закрыл глаз перед смертью, потому и увидел, как лезвие пролетело мимо моей головы. И сзади раздалось хлопанье. Струна соскользнула с горла.

– Вставай. – Юшенг протянул мне руку. – Там ещё парочка. Десятков...

Глава 12. Единый организм

Времени разбираться, откуда и почему появился этот психованный блондин, не было. Я его не звал, это точно, но – вот он, здесь. На земле Чжоу, как у себя дома. Ладно бы пытался меня убить, но нет, он меня спас.

Дэйю была занята так, что все мои претензии к ней улетучились. В какой-то момент, пока я был занят собственным умиранием, в переулок задним ходом влетел фургон, задние двери раскрылись, и наружу высыпали бойцы. Они были отлично подготовлены. Знали, что стрелять по избранным духом – большого толку нет. С этим Зеркалом Зла, даже если ты его видишь – одна морока. Удар можно остановить в любой момент, а вот пулю – не остановишь.

Поэтому парни были вооружены мечами. Где в наше просвещенное время можно достать в таком количестве боевые мечи – я даже не знал. Ограбить музей? Сувенирную лавку? Ну ладно избранные – те мечи передают из поколения в поколение, либо на заказ изготавливают, но эти-то – не избранные, а просто упоротые таблетками наглухо.

– Прыткая девчонка хороша, – сказал Юшенг таким тоном, будто прочитал эту фразу в букваре. – Поможем ей?

Дэйю сражалась в полном окружении, и каждый из её противников был прокачан так же, как тот, на баркасе, с которым она не справилась.

Я молча призвал меч. Юшенг оскалился и сказал:

– Просто убивай их, способный мальчик. Это легко. Дядя Юшенг научит.

Плавным движением Юшенг переместился ближе к фургону. Мне показалось, что он будто растянулся, размазался по пространству. Это длилось мгновение, а потом блондин перерубил позвоночник первому врагу. Тот успел его почувствовать, даже попытался обернуться, но не преуспел.

– Этот будет смешно умирать! – радостно доложил всем Юшенг.

Его жертва лежала на земле, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Этот птенчик остался без крылышек, этот котёнок лишился глазок...

Да ему бы детскую передачу вести, вот где талант-то.

Я поспешил врубиться в толпу, забив на боль в горле. Выставил перед собой левую руку, как щит, призвал Великую Стену. В такой кутерьме никто уже не соображал, что делать – слабое место в стратегии «налетим гурьбой» – и удары, один за другим, посыпались на невидимую стену.

Я убил двоих, пробился к Дэйю и тут же почувствовал, как в темноте, которая всегда рядом, что-то происходит. Привычное. Слитное парение птицы и дракона. К танцу присоединился белый тигр. Он не летал. В темноте не было верха и низа, не было твёрдой поверхности. Всё, что там находилось, просто пребывало там.

В этот раз три чакры слились воедино, переплелись лучами, и вспыхнула новая комбинация.

Я осознал, что вижу не только своими глазами, но и глазами Дэйю, глазами Юшенга. Почувствовал, что сейчас мне нужно немного отпустить поводья – и подчинился этому позыву. Пусть с трудом, но сумел перестать контролировать вообще всё.

Сложно описать, каково это – когда у тебя не один разум, а три. Равноправных. Сигналы по чакрам перемещались быстрее, чем по нейронам. Мы втроём стали чем-то вроде единого организма, никак внешне не связанного, но на ином, не физическом пласте бытия, мы были переплетены.

Заминки не было. Напротив, мы внезапно начали действовать быстро и слаженно, так, будто репетировали эту сцену не меньше года. Обычно во время драки поле зрения сужается, весь мир сокращается до одного соперника – вот почему трудно научиться драться с несколь-

кими. Сейчас же каждый видел три картинки одновременно, и из них легко собиралась одна, общая.

Отменив технику, я вскинул меч и отразил удар. Тут же ушёл вправо и ударил мечом по другому клинку, который замахивался на стоящую спиной Дэйю. Я едва не развалил его пополам, парень упал, захлёбываясь криком. А того, что должен был убить меня, убил Юшенг. Мы знали, что так будет, ведь у нас было шесть глаз и шесть рук на троих. Можно было поворачиваться спиной к кому угодно, зная, что другой – прикроет.

– Ты – дьявол! – выплюнул мне в лицо очередной покойник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.